Джек
Макдевит
Законный наследник
Азимова и Кларка.
Стивен Ки
Макдевит — лучший из авторов, пишущих
в наше время о дальнем космосе.
The Denver Post
ЖАР-ПТИЦА

Джек Макдевит

Жар-птица

Серия «Алекс Бенедикт», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11058060
Макдевит Дж. Жар-птица : роман: Азбука, Азбука-Аттикус; CG,; 2015
ISBN 978-5-389-10298-9

Аннотация

Прошло полвека, как бесследно исчез Кристофер Робин, физик с мировым именем, знаменитый своей теорией альтернативных вселенных. И когда после смерти вдовы ученого устраивается аукцион по распродаже его вещей, Алексу Бенедикту, торговцу космическим антиквариатом, выпадает шанс приоткрыть завесу тайны, окружавшей исчезновение физика. Как и почему исчез Кристофер Робин? Неужели и вправду ученому удалось обнаружить дверь в параллельный мир, которую он долго искал? И для чего кто-то постоянно ставит палки в колеса, чтобы остановить расследование?

Содержание

Благодарности 5
Пролог 6
Часть I 9
Глава 1 9
Глава 2 17
Глава 3 22
Глава 4 29
Глава 5 33
Глава 6 39
Глава 7 43
Глава 8 52
Глава 9 56
Глава 10 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Джек Макдевит
Жар-птица

Джеку Макниколу и Джо Чепмену.
Пожизненное спасибо

Jack McDevitt
FIREBIRD
Copyright © 2011 by Cryptic, Inc.
All rights reserved
© К. Плешков, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Спасибо Уолтеру Керлу за советы и техническую помощь. Я также благодарен Джинджер Бьюкенен, моему многострадальному редактору; Саре и Бобу Швагерам за их вклад; Ральфу Вичинанце, моему агенту и доброму другу на протяжении двадцати лет, которого мы потеряли в этом году; и, как всегда, моей жене Морин, корпевшей над второй, третьей и четвертой черновыми версиями.

Пролог

Лейтенант Джереми Далтон хмуро уставился на экран.

– Пока ничего, Стив?

Стив Янивич запустил расширенное сканирование, коснулся наушников, давая понять, что слушает сообщение искина, взглянул на вспомогательный дисплей и покачал головой.

– Нет, господин лейтенант. Никаких признаков корабля.

Далтон был одет в белую парадную форму, готовясь к предстоящей церемонии смены командования.

– Ладно, – сказал он. – Они наверняка где-то рядом. Скажешь, когда появятся.

– Есть.

Лейтенант связался с дежурным офицером.

– До сих пор не вышли на связь, Бролли, – сообщил он.

– А что слышно об остальной эскадрилье? Вы посылали запрос, Джерри?

– Да, лейтенант. В ближайших окрестностях корабля нет.

После запланированного времени прибытия «Эбоная» прошло почти два часа. Деллакондский межзвездный двигатель, как и существовавшая до его появления система Армстронга, не отличался особой точностью – можно было выйти из прыжка в тридцати или сорока миллионах километров от пункта назначения. Но зона радиовидимости была достаточно обширной, и кто-нибудь наверняка уже вышел на связь с крейсером.

– Что ж, – вздохнул Бролли, даже не пытаясь скрыть тревогу. – Сообщите командованию флота.

На борту прибывающего корабля находился адмирал Тэдиус О'Коннер, которому предстояло принять командование 314-й штурмовой эскадрильей. Далтон никогда не видел О'Коннера и ничего о нем не знал. Но все лучше, чем их тогдашний командир, Мэри Д'Анджело, – неулыбчивая женщина, с которой невозможно было работать. Будучи не в духе, она запросто могла отчитать подчиненных командиров в присутствии кого угодно. Она постоянно объясняла каждому в мельчайших подробностях, что и как ему следует делать. Более того, она не проявляла никакого уважения к субординации – если ей не нравилось, как справляется со своими обязанностями младший офицер, она не обращалась к его начальству, а набрасывалась на нарушителя сама. Все понимали, что она обожает превращать жизнь других в сущий ад, и никто в эскадрилье, особенно на «Селестине», не жалел о ее уходе. Как всегда в таких случаях, она пошла на повышение.

Далтон снова повернулся к связисту.

– Стив…

– Да, господин Далтон?

– Передай сообщение диспетчерам Пойнт-Эдварда. Скажи, что мы продолжаем ждать, и попроси указать новое время прибытия.

Пойнт-Эдвард находился, по сути, через дорогу – в сорока минутах полета: войти в гиперпространство и тут же выйти. Трудно было представить, что могло вызвать задержку.

Лейтенант наблюдал за тем, как Янивич отправляет сообщение. Отчего-то ему показалось, что именно сейчас, словно по сигналу, прибудет крейсер. Но этого не случилось.

Сообщения шли до Пойнт-Эдварда минут двадцать. Далтон смотрел в иллюминатор на Даму-под-Вуалью: по его мнению, она напоминала вовсе не женщину, а то, чем была в действительности, – плывущую в ночи туманность с миллионами звезд. Дженет Макриди, и вправду выглядевшая весьма женственно, считала, что ему не хватает воображения, и делала вид, будто жалеет его.

Дженет должна была сменить его через три часа. Умная и красивая, но претенциозная, она читала философские труды и притворялась, что может разглядеть лицо ребенка на непостижимых абстрактных картинах Барнабля («Неужели ты сам не видишь?»). Что ж, главное, чтобы женщина была симпатичной, остальное неважно.

Далтон все еще думал о Дженет, когда Янивич поднял руку: что-то пришло. Для ответа из Пойнт-Эдварда было слишком рано, они еще не успели получить само сообщение. Он направился к пульту связи, но Янивич показал на вспомогательный экран:

> ОТ: Командование Третьего флота
> КОМУ: «Селестина»
> ТЕМА: «Эбонай»
> Отчет о перемещениях «Эбоная» на 17:20Z не поступал. Подтвердите присутствие «Эбоная» в вашей области пространства.

Отчеты о перемещениях обычно посылались при отправлении и прибытии. Бросив взгляд на сообщение, Далтон переправил его дежурному офицеру. Несколько мгновений спустя Бролли появился в центре связи. Вид у него был не слишком радостный.

– Пока ничего? – спросил он. Бролли отличался легким характером и никогда не волновался попусту. Далтона в свое время впечатлило то, как Бролли вел себя под обстрелом. Именно такого человека хотелось иметь рядом в час серьезных испытаний.

– Нет, господин лейтенант. Никаких следов.

– Ясно. Велите всем в эскадрилье посмотреть еще раз. Затребуйте отчет от каждого корабля. Пусть скажут что-нибудь: «да» или «нет».

– Есть.

– А пока суд да дело, сообщите Пойнт-Эдварду, что мы до сих пор не видели их. Запросите подтверждение того, что они вылетели по графику.

– Уже сделано. Несколько минут назад.

Бролли вздохнул и вышел. Конечно, ему придется держать в курсе адмирала Д'Анджело. У нее была еще одна неприятная черта – когда что-нибудь шло не так, адмирал считала, будто в этом виноват доложивший обо всем офицер. Далтон не сомневался, что Бролли уже ощущает ее ярость на собственной шкуре.

Что ж, по крайней мере, в центре связи она пока не появлялась. Вместо этого она отправилась в диспетчерскую, взяв на себя управление сканерами и датчиками и давая банальные указания. В информационном бюллетене флота ее называли исполнительным и практичным офицером: Далтон читал этот отзыв.

Запрос ушел, и через несколько минут истребители начали рапортовать. Сперва ответил «Макмертри» – «Эбоная» поблизости не было. То же самое сообщил и «Карасани», а за ним – «Хопуэлл».

Бессмысленность предприятия была ясна с самого начала. На трех крейсерах и шести истребителях, составлявших флагманскую эскадрилью, и так делали что могли – вглядывались в экраны, чтобы сразу же сообщить о появлении корабля. Если бы они хоть что-то увидели, то давно сказали бы об этом.

«Уилсон» ответил отрицательно.

«Каджун» – тоже.

Наконец Янивич получил ответ от Пойнт-Эдварда: «Ожидаемое время прибытия „Эбоная“ не менялось. Они вылетели согласно графику».

Прошло больше двух часов, хотя полет занимал всего двадцать минут.

«Чийоко» – ответ отрицательный.

«Саттари» – ответ отрицательный.

– Из-за двигателя корабль ведет себя непредсказуемо, господин Далтон, – сказал Янивич. – Они могут находиться по другую сторону солнца.

– Знаю, Стив. Не в первый раз. Но вся церемония полетит к чертям.

– Надеюсь, ничего не случилось.

– Я тоже. Вероятно, просто промахнулись. Надеюсь.

Янивич неловко усмехнулся.

– Слетать на Ригель безопаснее, чем сходить за продуктами, – сказал он. Обычная шутка пилотов межзвездных транспортных линий.

Но все помнили случай с «Капеллой». Девять лет назад, во время полета с Окраины на станцию Саралья, она вошла в гиперпространственный прыжок, и с тех пор никто ее не видел. Вместе с ней пропали без вести две тысячи шестьсот человек.

А полтора года назад исчез «Уорбертон». Нашли только его обломки: следователи пришли к выводу, что у корабля отказали детекторы массы и он попытался материализоваться внутри астероида. Если бы это случилось с «Эбонаем», то, разумеется, произошел бы мощный взрыв: такое событие нельзя не зарегистрировать.

Ожидание затягивалось. Сообщения с Пойнт-Эдварда становились все тревожнее. Для помощи в поисках начали прибывать патрульные корабли и истребители.

Дженет сменила Далтона. Вернувшись к себе, он принял душ, переоделся и пошел поужинать в офицерскую кают-компанию. Все разговоры, само собой, крутились вокруг пропавшего корабля. У Тэга Макаллена на «Эбонае» была сестра, а у Бороса Разкули – сын. Каждый знал хотя бы одного члена экипажа.

В полночь, когда Далтон возвратился на свой пост, о корабле по-прежнему ничего не было слышно.

Через шесть дней «Эбонай» формально объявили пропавшим без вести. Обширные поиски с привлечением больших сил флота ничего не дали.

На станции Пойнт-Эдвард провели поминальную церемонию, как и на Токсиконе, планете, к которой был приписан «Эбонай». На «Селестине» царило разочарование: полномочия адмирала Д’Анджело продлили. Расследование продолжалось полтора года и завершилось безрезультатно. «Эбонай», его команда и адмирал О’Коннер пропали без вести по неустановленной причине.

Часть I
Остров Виргиния

Глава 1

Сколь бы бесполезен ни был ваш товар, главное – найти подходящую упаковку, и тогда его купят. При правильном подходе у вас купят что угодно. Именно благодаря этой счастливой истине крутятся колеса коммерции.
Эскайя Блэк. Затерянные в Арубе (7811 г. н. э.)[1]

1434 год по календарю Окраины, шесть лет спустя

Когда пришла Карен Говард, я сидела в загородном доме, у себя в кабинете, глядя на падающий за окном снег. Метель была сильнейшей – во всяком случае, по здешним меркам, – и я ожидала, что посетительница отложит свой визит. Однако она появилась у входной двери точно в срок.

Я почти не запомнила, как она выглядит, если не считать большой шапки и громкого голоса. Ах да, еще невысокий рост. Она позвонила и попросила о встрече, весьма уклончиво объяснив, что ей от нас нужно. «Хочу кое-что продать, – сказала она. – Я знаю, что вы можете хорошо заплатить. Вещи довольно ценные».

Подробностей она, однако, не сообщила. Обычно такое поведение – верный признак того, что клиент не говорит вам всей правды. Антикварный бизнес привлекает множество мошенников, особенно в тех случаях, когда предметы имеют историческую ценность – скажем, блокнот, который использовал Деспар Колландер при написании своего труда «Говоря с Богом», или комплект ударных инструментов, принадлежавший Пепперу Аспину. Многие весьма искусно сочиняют и изготавливают сопроводительные документы, но Алекса нелегко провести. Такое случилось лишь однажды и дорого нам стоило. Но это совсем другая история.

Войдя в мой кабинет, Карен стряхнула снег и сняла шапку, прижав ее к себе, словно коллекционный экземпляр.

– Я сестра Элизабет Робин, – сказала она таким тоном, будто это все объясняло.

Я предложила ей сесть, но она осталась стоять. Тогда я встала и обошла вокруг стола.

– Меня зовут Чейз Колпат, госпожа Говард. Чем могу помочь?

– Это с вами я разговаривала?

– Да.

– Могу я видеть господина Бенедикта?

– Я его компаньон.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– В данный момент он занят, госпожа Говард. Я его компаньон. Чем могу помочь?

Нахмурившись, она долго смотрела на меня, словно решала, что ей делать.

– Возможно, вам известно, что Элизабет умерла в прошлом году. – (Я понятия не имела, кто такая Элизабет Робин, но тем не менее сочувственно кивнула.) – Я унаследовала ее иму-

[1] Даты, для которых не указана «наша эра» (н. э.), приводятся по календарю Окраины.

щество, в том числе кое-какие вещи, связанные с Кристофером, и теперь хочу их продать. Вы не поможете мне получить за них приличные деньги?

На заднем плане тихо играла старая песня Рэя Каммона «Есть только любовь».

– Кто такой Кристофер? – спросила я.

Карен едва не закатила глаза.

– Конечно же Крис Робин, – ответила она, а затем, поняв, что я нуждаюсь в дополнительном пояснении, добавила: – Элизабет была его женой.

– Крис Робин? – переспросила я. – Физик?

– Да. А кто, по-вашему? – Карен наконец села.

– Он ведь давно умер, – заметила я.

– Сорок один год назад, – печально улыбнулась она.

– Ясно.

– Может, мне все же поговорить с господином Бенедиктом?

– Поймите, госпожа Говард: артефакты, имеющие отношение к физикам… в общем, они не пользуются особым спросом.

– Кристофер был не просто физиком.

– Он совершил нечто особенное?

Вздохнув, Карен полезла в сумочку и достала книгу – старомодное коллекционное издание. На обложке стояло имя Робина и название: «Мультиверсум».

– Это часть сделанного им, – сказала она.

– Что ж… – Я замялась, не зная, что сказать. – Очень интересно.

– Он многого добился, госпожа Колпат. Удивительно, что вы почти ничего о нем не знаете. Советую вам почитать. – Положив книгу на мой стол, она снова полезла в сумочку и достала небольшую шкатулку. Там лежало обручальное кольцо с гравировкой – «Лиз», «Крис» и «Навсегда вместе», – а также коммуникатор, украшенный алмазами. – Он всегда надевал его по особым случаям: когда получал награду или выступал на мероприятии.

– Понятно, – сказала я.

Карен достала чип.

– Хочу показать вам и другие предметы. Вы не против?

– Нет, конечно.

Я вставила чип в проектор. Перед нами появились две лампы.

– Сделаны по его заказу, – пояснила Карен. В лампах не было ничего выдающегося – обычные гибкие лампы для чтения: одна черная, другая серебристая. Подтверждающими документами служили две фотографии Робина. На одной он сидел за столом и что-то писал при свете черной лампы, а на другой полулежал на диване с книгой; серебристая лампа находилась у него за спиной.

– У меня много его книг, – продолжала она. – Кристофер их коллекционировал. – Она показала мне несколько томов: в основном труды по физике, несколько работ по философии, пара мемуаров деятелей культуры, «История Вильянуэвы» Дэнфорта. – Проблема в том, что он постоянно оставлял в них заметки. Элизабет говорила, что без них он жить не мог. – Она пожала плечами. – Если не считать этого, книги в превосходном состоянии.

Записи, сделанные знаменитостью, разумеется, повышали ценность книги. Правда, я сильно сомневалась, что о Робине можно было так сказать.

– Есть и другие вещи. Лабораторное оборудование, несколько бокалов…

Все это она тоже показала, но предметы были нестоящими. Я увидела еще несколько снимков: счастливые супруги на фоне звездного неба, рядом с деревом, на дорожке, ведущей в здание, похожее на маленькую виллу.

– Это их дом, – сказала Карен. – На острове Виргиния.

На нескольких фотографиях был один Робин – задумчиво сидящий у окна, откусывающий от фрукта, подбрасывающий полено в огонь. А на одном снимке я увидела две строки какого-то текста.

– Это заключительные фразы «Мультиверсума», – пояснила она.

«Нам остается лишь сделать вывод, что у каждого из нас есть бесчисленное множество копий. Соответственно, мы не умираем по-настоящему, а просто покидаем один из уровней существования».

– Так и не поняла до конца, что это значит, – сказала Карен. – Ах да, совсем забыла.

Появилось фото сверхсветового корабля. На корпусе виднелась часть названия или, может быть, бортового номера, но символы не относились к стандартному языку:

Поскольку на всех кораблях используется один и тот же набор символов, фотография выглядела подделкой.

– У меня еще есть три подписанных экземпляра «Мультиверсума», а также… – Появилась потертая широкополая шляпа. Элизабет выжидающе посмотрела на меня, затем вздохнула. – Та самая карпатская шляпа, ставшая знаменитой благодаря ему.

Она показала еще несколько снимков – Робин и Элизабет в ярких лучах солнца на веранде собственного дома, Робин на трибуне с театрально поднятой рукой, Элизабет с другой женщиной, помоложе («Это я», – пояснила Говард). Робин принимает награду, Робин пожимает руки студентам, Робин беседует с разными людьми. Больше всего мне понравилась фотография, на которой Робин, сидя в ресторане, поливал салат томатным соусом на глазах у снисходительно улыбающейся Элизабет.

– Он обожал томатный соус, – сказала Говард. – Приправлял им все подряд – картошку, сэндвичи, бобы, мясо. Буквально поливал им блюда.

– Ладно, – кивнула я. – Я вас поняла.

Пора было наконец объяснить, что мы работаем только с артефактами, имеющими отношение к знаменитым местам, событиям или историческим личностям, – а о Крисе Робине в Андикваре почти не слышали. Но я замешкалась, и Карен не преминула этим воспользоваться.

– Взгляните, – сказала она, показывая очередное изображение – живописный портрет Робина и его жены. Темноволосая Элизабет выглядела привлекательно: на таких женщин мужчины неизменно обращают внимание. Несмотря на приятную улыбку, в ее позе и взгляде, направленном на мужа, сквозило нечто формальное. – Она умерла в прошлом году.

– Да, я слышала. Мне очень жаль.

Взгляд ее затуманился.

– Мне тоже. Незаменимая женщина.

Робин идеально подходил на роль безумного ученого из фильма ужасов. Взгляд его, казалось, пронзал меня насквозь. Лысая макушка и одновременно – густые волосы, падающие на затылок. В отличие от Элизабет он даже не пытался принять добродушный вид. Глядя на его лицо, я вспомнила доктора Инато из «Смертям нет числа», который собирался обрушить смертоносный тайфун на курорт, полный отдыхающих.

Еще одна картина маслом изображала несколько музыкальных нот и дату.

– Это первые ноты песни «Свет звезд и ты», – сказала Карен.

Песню я, конечно же, слышала – популярность ее в течение многих лет то росла, то падала.

– И какая тут связь?

Карен удивленно посмотрела на меня.

– Это он ее написал.

– Правда?

– По-вашему, я шучу? – В ее голосе промелькнуло раздражение.

– Вовсе нет, – ответила я. – Музыку или слова?

– И то и другое. У Криса было много талантов.

Что ж, подумала я, может, в этом что-то есть. Может, и впрямь не стоит так быстро отказываться от потенциального клиента. На очередной картине Крис и Элизабет стояли на краю обрыва, над освещенным луной океаном.

– Они жили на острове Виргиния, – сказала Карен. – Я уже говорила?

– Да.

– Великолепное место. Бывали там?

Остров Виргиния находился на другой стороне планеты.

– Нет, госпожа Говард. Боюсь, не было возможности.

Она снисходительно улыбнулась.

– Вам следует почаще выбираться из своего кабинета. Хоть мир посмотрите.

На голове у Робина была карпатская шляпа, сдвинутая набок. Они с женой стояли спиной к камере, склонившись друг к другу и глядя в сторону моря. Хотя они и не держались за руки, картина выглядела удивительно романтично.

Еще один снимок: Робин идет по терминалу с небольшим чемоданчиком в руке, на плече – сумка с электронным блокнотом.

– Это особенно интересная фотография, – сказала Карен.

– Почему?

– Он отправляется в свой последний полет.

– В том полете что-то случилось?

Новый презрительный взгляд в мою сторону.

– В самом конце, – сказала она.

Похоже, ей не хотелось продолжать разговор на эту тему. Я не стала настаивать.

Всегда оставался шанс, что предложением кто-нибудь заинтересуется.

«Пусть решает Алекс», – подумала я.

– Очень хорошо, госпожа Говард, – сказала я ей. – В ближайшее время мы свяжемся с вами. Если мы согласимся заключить сделку, у господина Бенедикта могут появиться дополнительные вопросы, и он наверняка захочет увидеть оригиналы.

Она дала мне понять, что серьезно сомневается в моей компетентности.

– Если честно, – сказала она, – меня вообще удивляют ваши колебания. Вы сами говорили, что работаете с артефактами, имеющими отношение к выдающимся личностям. Если мой зять к ним не принадлежит, я с трудом представляю, кого вы имеете в виду.

– Госпожа Говард, поймите: он был физиком. Я вовсе не умаляю значения этого факта, но ученые редко становятся знаменитостями. А цену поднимает именно знаменитость. Нужна уверенность в том, что наши клиенты им заинтересуются и что мы сможем воздать должное ему. И вам.

Карен встала.

– Мне кажется, вы не хотите откровенно все сказать.

– Жаль, если это так выглядит. Я старалась быть честной с вами.

– Конечно. Полагаю, вы не станете возражать, если я сделаю предложение кому-то еще?

– Вам решать, госпожа Говард.

– На всякий случай оставлю вам чип.

Мы подошли к двери. Дверь открылась, и Карен шагнула на крыльцо.

– Меня всегда удивляло, – заметила она, – что мелкие компании не в состоянии толком обучить своих сотрудников.

Я вежливо улыбнулась.

– Что с его искином? Он доступен?

– Нет, – ответила она.

– Почему? Этот предмет был бы, наверное, самым ценным из всех.

– Элизабет его стерла.

– Странно. Зачем?

– Понятия не имею. Я узнала об этом лишь после ее смерти.

Алекса в доме не было. Когда пришла Говард, я рассылала клиентам сообщения о том, что мы нашли нужные артефакты, а иногда – что они недоступны или мы не в состоянии их найти. Часто предметы просто исчезали и оказывались у тех, кто не общался ни с кем или не желал продавать их ни за какую цену. Иногда артефакты похищали, и они надолго пропадали из виду. Ценные вещи пропадали на несколько столетий, чтобы затем всплыть снова.

Я возвратилась к прерванной работе и уже собиралась сделать перерыв на обед, когда вернулся Алекс после очередной тренировки: тогда он в основном плавал в бассейне «Деланси». Стряхнув снег с пальто, он широко улыбнулся, намекая на то, что жизнь прекрасна и удивительна. Я улыбнулась в ответ.

– Как я понимаю, Одри сегодня тоже там была, – сказала я.

– Нет, – покачал головой Алекс, – сегодня утром она выбраться не смогла.

– Когда сядешь за автобиографию, Алекс, у меня будет готовый заголовок.

– Какой же?

– «В „Деланси“ нет недостатка в красивых женщинах».

– Слишком длинно, Чейз, – усмехнулся он.

– Ну, не знаю…

– И потом, заголовок никогда не начинается с предлога.

– Гм…

– У тебя множество талантов, дорогая, но писателем тебе не стать. – Он снял шапку и шарф. – На улице холодно.

Метель была первой в этом году и самой ранней на моей памяти. Алекс сел и стал снимать ботинки.

– Есть что-нибудь интересное?

– Как считает Мэк Дарби, нам следует приложить больше усилий, чтобы заполучить стилет.

Этим стилетом Николас Уэскотт заколол свою юную невесту, что привело к революции, уничтожившей Фремонтскую республику.

Алекс сбросил один ботинок.

– Китинг его не отдаст, разве что под дулом пистолета.

– Я ему так и сказала. Естественно, в других выражениях. Я не очень доверяю Дарби.

– Не беспокойся. Он слегка вспыльчив, но, вообще-то, и мухи не обидит.

– Так или иначе, Алекс, он говорит, что хочет попытаться. Мол, если кто-нибудь убедит…

– Что он предлагает?

– Поговори с ним сам.

– Ладно. Что-нибудь еще?

– Слышал когда-нибудь про Криса Робина?

– Того самого Криса Робина?

– Физика, который сочинял песни.

– Да, это он. Он написал «Свет звезд и ты». – Алекс рассмеялся. – Чейз, он знаменит.

– Если ты так считаешь…

– Думаю, ты слишком много времени проводишь у себя в кабинете.

– Примерно так сказала и она.

– Кто это «она»?

– Его невестка.

– Ты разговаривала с невесткой Криса Робина?

– Да. Она была здесь. Хочет продать кое-что из его вещей.

– Очень интересно.

– Правда?

– Чейз, он знаменит вовсе не из-за «Света звезд» и не из-за физики. Он прославился тем, что исчез и никто не знает, что с ним случилось.

Я наконец вспомнила. Физик, который вернулся к себе, вышел из скиммера возле двери своего дома, но так и не вошел в нее.

Алекс покачал головой – «печальная история».

– Поэтому все, что связано с ним, имеет ценность.

– Да, теперь вспоминаю.

– Расскажи мне про эту невестку.

– Ее зовут Карен Говард. Она унаследовала все имущество и хочет продать кое-что из его личных вещей.

Алекс широко улыбнулся.

– Звучит многообещающе. Что у нее есть?

Я показала ему изображения предметов, и он сделал несколько заметок.

– Ладно. За кольцо, вероятно, можно получить приличную цену. Что с домашним искином?

– Его стерли.

Алекс застонал.

– Как это могло случиться?

– Понятия не имею.

Он сбросил второй ботинок.

– Ладно, книги тоже могут чего-то стоить.

– По ее словам, Робин обычно делал в них записи.

– Это хорошо. Ты ведь их видела? Книги?

– Некоторые.

– Ладно. Я хотел бы отправиться туда и взглянуть сам.

– Я договорюсь.

– Хорошо. Удивительно, что ты еще не занялась этим. Есть проблемы?

– Алекс, я не думала, что мы возьмемся за это дело. Разве что из-за его песен.

Алекс снова улыбнулся.

– Ну вот, мы беремся.

– Что же такого он совершил, кроме того, что бесследно исчез?

– Чейз, а что он еще должен был совершить? Если составить перечень людей, пропавших без вести за много лет, окажется, что почти все они знамениты – но в основном благодаря этому. Больше ничего не требуется. А Крис Робин находится в первой десятке.

Я позвонила Говард и сказала ей, что мы готовы представлять ее интересы. Мы договорились о встрече вечером следующего дня. Я стала собирать информацию о Кристофере Робине.

Пилот, часто летавший вместе с ним, высадил своего пассажира возле его дома на острове Виргиния в первый день весны 1393 года, около одиннадцати часов вечера. Дата запоминающаяся – именно тогда случилось Большое землетрясение в Коландре. Пилота звали Чермак.

Дом Робина стоял в уединенном месте на южной оконечности острова. Юноша и девушка, которые прогуливались по берегу океана, видели прилетевший скиммер. Элизабет, вероятно, спала.

Робин, судя по всему, так и не вошел в дом, и никто его больше не видел.

По странному стечению обстоятельств эта ночь оказалась последней и в жизни Чермака. Они с Робином прилетели на челноке со станции Скайдек на терминал Васильева в Коландре. Оттуда Чермак доставил Робина на Виргинию, а затем отправился к себе в Кейтон-Ферри, прибрежный городок в пятистах километрах к северу от острова. Как раз в это время началось землетрясение.

Чермак стал одним из героев тех трагических событий. Есть фотографии, на которых он, обожженный и окровавленный, выносит детей из горящих зданий, оказывает первую помощь, вытаскивает людей из искореженных машин. На одном из особенно драматичных кадров он бежит по крыше многоэтажного дома, окруженный пламенем.

Через два часа и семь минут после первого удара на берег обрушилась приливная волна, разрушив большую часть Кейтон-Ферри и уничтожив терминал Васильева.

К счастью, на острове Виргиния ощутили лишь несколько легких толчков.

Как и Робин, Чермак в ту ночь просто пропал без вести. Он исчез посреди всеобщего хаоса, унесенный в море либо погребенный под обломками. Вряд ли он узнал об исчезновении своего пассажира.

– Что, по-твоему, могло случиться с Робином? – спросил Алекс. Я даже не заметила, как он вошел в кабинет.

– Понятия не имею, – ответила я. – Такое впечатление, будто он упал в океан. Но если так, почему не нашли его чемодан? Или блокнот?

– Хороший вопрос.

– Может, он просто сбежал? Может, у него была другая женщина?

– Не исключено.

– Его могли убить.

Алекс кивнул.

– Или его вообще там не было.

– С чего ты так решил?

– Люди, видевшие скиммер, не видели, как из него выходил Крис.

– Это ничего не значит. Но могло быть и так – маловероятно, чтобы два человека исчезли одной и той же ночью. Может, он полетел вместе с Чермаком в Коландру.

Алекс пожал плечами.

– Тогда зачем они сперва полетели к нему домой?

– Он мог передумать. Вдруг ему нужно было что-то забрать из дома?

– Возможно. Это объясняет отсутствие чемодана.

– Так или иначе, все это было слишком давно, – сказала я. Алекс молчал. – Мы ведь не будем заниматься расследованием?

– Нет, – ответил он.

– Вот и хорошо. Но ты меня удивил. Почему?

– Если мы сумеем найти ответ, ценность артефактов снизится.

– Ну да…

– Возможно, стоит притвориться, будто мы пытаемся что-то выяснить. И если окажется, что мы не в состоянии разгадать загадку…

– Ценность вещей возрастет.

– Отлично, Чейз. Ты прирожденный бизнесмен.

Глава 2

Наука изучает реальность, исследует, как взаимодействуют атомы, развиваются биологические системы и дают тепло звезды. Миф – тоже изучение реальности, но иного вида. Он дает нам информацию о самых потаенных желаниях и страхах подсознания, в котором мы на самом деле живем.
Коша Малкева. Дорога к Вавилону (3376 г. н. э.)

Карен Говард жила в роскошном поместье в Вестмонт-парке: при подходящем освещении оттуда можно было разглядеть едва видимые очертания горы Гордана. Метель наконец утихла, и небо прояснилось, но все вокруг было погребено под снегом. Когда мы начали снижаться, глубокий баритон попросил нас представиться и спросил, по какому мы делу.

– Корпорация «Рэйнбоу» к госпоже Говард, – ответила я, сообщив системе заранее выданный нам пароль. Вокруг посадочной площадки вспыхнуло кольцо огней. Особой необходимости в них не было, поскольку еще не совсем стемнело, но они добавляли поместью внешнего лоска.

Дом напоминал итакийский храм. Над обоими крыльями возвышались башни, и я даже удивилась, что не слышу райских песнопений. Голос в коммуникаторе приветствовал нас: «Добро пожаловать в поместье Говард» – и пригласил войти. Мы вышли из скиммера и направились по крытой дорожке.

Из окон лился приглушенный свет, где-то заунывно играла виола. Дверь открылась. Нас встретила девушка; она взяла у нас куртки и проводила в большую гостиную.

– Госпожа Говард сейчас придет, – сказала она.

Комната выглядела изысканно и вместе с тем невыразительно – оконные занавески, вполне годившиеся на роль церемониальных мантий, вазы с многолетними цветами на полках, украшенных орнаментом из слоновой кости, красный ковер, по которому, казалось, никогда не ступала нога человека. Этой комнатой можно и нужно было любоваться, но она мало подходила для того, чтобы сбросить туфли и расслабиться.

Через несколько минут вошла Говард. Взглянув на Алекса, она поздоровалась с ним, затем снисходительно посмотрела на меня.

– Рада снова вас видеть, госпожа Колпат.

Мы обменялись любезностями. Алекс заметил, что газон хорошо ухожен – так, словно он что-то увидел под слоем снега. Говард выразила восхищение его шарфом и предложила нам чувствовать себя как дома. Мы сели на диван, а она – в большое мягкое кресло.

– Чейз говорит, – сказал Алекс, – что у вас есть вещи, имеющие отношение к Кристоферу Робину.

На мгновение мне показалось, будто она об этом позабыла.

– Это действительно так, господин Бенедикт. – Она искоса взглянула на меня. – Как я понимаю, вы уполномочены представлять мои интересы?

Алекс пустил в ход свое обаяние.

– Конечно, – ответил он. – С удовольствием. – Всем своим видом он намекал, что мы с ней друзья, что все случившееся раньше – мелкое недоразумение и что он с радостью готов ей помочь. – Нельзя ли увидеть оригиналы?

Говард слегка расслабилась.

– Конечно, господин Бенедикт, – сказала она. – Прошу за мной.

Через коридор мы прошли в заднюю часть дома и оказались в другой комнате, размером меньше первой. На обеденном столе, в самом центре его, лежала карпатская шляпа. Вокруг нее были разложены разные предметы – именные таблички, лампы, фотографии в

рамках, картины, обручальное кольцо, украшенный алмазами коммуникатор, бюст бородатого мужчины (как я позднее узнала – Адама Карвенко, связавшего квантовую теорию с сознанием) и какие-то электронные приборы. И разумеется, книги.

Алекс обошел стол кругом: одни артефакты он разглядывал в лупу, другие поднимал, чтобы рассмотреть их с разных углов. Дольше всего он изучал обручальное кольцо.

– Имена, особенно надпись, нам пригодятся, – заметил он.

Он раскрыл одну из книг – «Краткое описание общества» Мирабо. На полях виднелись четко выведенные комментарии: «Именно!», «Вырвано из контекста», «Хотелось бы документального подтверждения».

Алекс пролистал «Затерянных в тени» Хэя Каллея, улыбаясь замечаниям Робина: «Глупо», «Племенной инстинкт никуда не денется, что бы вы ни утверждали», «Иногда я думаю, заслужили ли мы выживание».

Взяв сборник научных очерков, он с восхищением прочитал вслух один из комментариев: «Мы – все равно что моря. Прилив, затем отлив, и так все время. Наши берега размываются и исчезают, но сущность от этого не меняется. Ни технологии, ни накопленные знания не оказывают на нее фундаментального влияния».

«Космологическая константа» Барона тоже была испещрена комментариями: «Звучит неплохо, но с логикой неважно», «Если так, мир еще более иллюзорен, чем мы думаем».

– Вы хорошо его знали, госпожа Говард? – улыбнулся Алекс.

– Не очень, – ответила она. – Мне он не слишком нравился.

– Почему?

– Он считал себя лучше всех остальных.

Алекс кивнул – «разве бывает по-другому?». Положив книгу, он посмотрел на фотографию межзвездного корабля, которую показывала мне Говард во время своего визита. Она висела прямо напротив входа, и каждый, кто входил в комнату, в первую очередь видел ее.

– Именно так она висела у него в доме, – сказала Говард.

Алекс рассмотрел снимок с разных сторон, после чего повернулся к хозяйке.

– Госпожа Говард, она имела какое-то особое значение для профессора Робина?

– Мне об этом неизвестно.

Алекс снова повернулся к фотографии и покачал головой.

– Что такое? – спросила я.

– Где-то я ее уже видел.

Мне она раньше не попадалась. На вид корабль был старым, со слишком толстым фюзеляжем. Возле главного люка я разглядела два странных символа. На мостике – отдельные иллюминаторы вместо панорамного окна.

– Что скажете, господин Бенедикт?

Алекс весело улыбнулся.

– Мы с радостью поможем вам, госпожа Говард. Кольцо и таблички, наверное, можно легко продать, и книги тоже. С фотографиями всегда сложнее: они не уникальны. Понимаете, о чем я? Но думаю, все не так уж плохо. – Он поколебался. – И все же, госпожа Говард, я попросил бы вас немного потерпеть. Если вы дадите мне немного времени, стоимость предметов, возможно, удастся повысить.

– Можно поинтересоваться, на что именно вам требуется время?

– Пока точно сказать не могу. Нужно узнать побольше о профессоре Робине.

Мы поднимались в ночное небо, направляясь домой. Алекс молчал. Еще не полностью стемнело, но прямо над нами висел серп луны.

– Об этом парне говорят разное, – наконец сказал он.

– Например?

– Ты знаешь, что существует Общество Кристофера Робина?

– Нет. В самом деле? И кто в него входит? Физики?

– Физики, историки, энтузиасты.

– Ясно.

– Они каждый месяц собираются в Санове.

По его тону я все поняла.

– Надеюсь, мы не летим туда?

– Почему бы и нет?

– Какой смысл?

– Кто лучше других сможет повысить интерес к артефактам Робина? Конечно, страстные поклонники его трудов.

– Но разве речь идет не о физике? Как увлечь коллекционеров физикой?

– Чейз, речь идет об альтернативных вселенных и черных дырах.

Мы пролетали над рекой Мелони. Возле одного из казино запускали фейерверки – кто-то устраивал праздник.

– Алекс?

– Да, Чейз?

– Есть много людей, которые исчезли. Почему Робин так привлекает энтузиастов? Что порождает энтузиазм?

Глаза его слегка вспыхнули.

– Робин работал в пограничных областях науки. В частности, его интересовало, живет ли какая-то часть нас после смерти.

– И на чем он остановился?

– Я не смог выяснить, остановился ли он на чем-нибудь. Робин исследовал пограничные области. Большинство его коллег считали, что он выходит за пределы дозволенного. Он задавал вопросы, которые никто больше не осмеливался задать.

– Например, существуют ли альтернативные вселенные.

– Да.

– Я думала, что существование альтернативных вселенных доказано.

– Математически. Но Робин, видимо, искал способ перейти из одной вселенной в другую.

– Вот как?

– И еще он считал, что у нас могут гостить обитатели других миров.

– Шутишь?

Алекс рассмеялся.

– Думаю, он на это надеялся. Так или иначе, многих озадачивает тот факт, что он пропал без вести в ночь, когда случилось землетрясение в Коландре.

– Подозреваю, в ту ночь многие пропали без вести.

– Во время землетрясения его там не было.

– Что же, по их мнению, произошло?

– Есть гипотеза, что в ту ночь столкнулись две вселенные. Это и стало причиной землетрясения.

– Бред какой-то.

– Ах, доктор Колпат, я был бы рад, будь это так. Однако некоторые его поклонники считают, что Робин воспользовался возможностью и перешел в другую вселенную. Думаю, физиков среди них нет.

– Ладно. Я же знаю, ты не веришь во все это.

– Конечно, – рассмеялся Алекс. – Но отдельные крайности идут нам на пользу.

– Вряд ли сумасшедшие покупают антиквариат, – сказала я.

– Неважно. Благодаря им поднимется интерес к Робину. А больше нам ничего и не требуется.

– Ладно.

– Некоторые эксцентричные господа заявляют, будто он стремился доказать существование призраков. Они утверждают, что Робину было известно о людях или других живых существах, которые попадали в межпространственные течения и не могли из них выбраться. Платон писал, что кладбища по ночам теряют покой. Он считал, что причина этого – чрезмерный материализм людей, которые слишком привязаны к радостям бытия и после смерти не могут полностью освободить душу. Робин, как полагает кое-кто, выдвинул такую идею: оказавшись при столкновении не в том месте, можно навсегда угодить в ловушку.

– Об этом где-нибудь говорится?

– В общем-то, нет. Видишь ли, Робин любил пошутить. Трудно сказать, что он в действительности думал обо всем этом. Он выступал на разных мероприятиях, и ему задавали вопросы: «Может ли человек застрять между измерений? Или на кладбище?» И Робин им подыгрывал: «Конечно же, может». При взгляде на него сразу становилось ясно: он знает, что говорит нелепицу, и все же немного надеется, что это на самом деле так.

– Ясно…

– Он не желал отвергать ту или иную идею лишь потому, что она выглядела абсурдной. Однажды он сказал, что, если столкновение произойдет, жертв не избежать.

– Звучит зловеще.

– Да.

– Но никто не воспринимал его высказываний всерьез.

– Чейз, ни от кого не требуется воспринимать что-либо всерьез. Неважно, насколько верны его идеи. Главное – заинтересовать людей. Сейчас самое подходящее время. Встреча состоится в эти выходные, и я намерен там быть. Поедешь со мной?

Я выбросила предстоящую встречу из головы, но под конец недели мне позвонил Джерри Малдун, психиатр на пенсии, которому, вероятно, вредил избыток общения с пациентами. Свободный от эмоций, с механической улыбкой, он совершенно не умел сочувствовать другим, хотя и считал, что у него это прекрасно получается. Алекс разговаривал с другим торговцем, и я спросила, чем могу помочь.

– Как я понимаю, – сказал он, – у вас есть личные вещи, принадлежавшие Крису Робину?

– Да, Джерри, у нас есть к ним доступ. Но они еще не выставлены на продажу.

– Великолепно, – ответил он. – И что у вас имеется?

Я рассказала, а потом спросила, как он узнал о них.

– Просто случайно услышал. – Судя по тону Джерри, он давал понять, что сумел нас перехитрить. – Уже ходят слухи. Понимаете, о чем я? Можно на них взглянуть?

– Пока нет, Джерри. Владелец хочет их придержать на какое-то время. Но я рада, что вы заинтересовались. Если хотите, мы сообщим вам, как только артефакты станут доступны.

– Сколько придется ждать?

Я не могла прямо сказать ему, что у Алекса родился некий план.

– Пока оформляются официальные документы, – ответила я.

– Черт побери. – В его голосе прозвучало неподдельное разочарование. Странность заключалась в том, что Джерри с давних пор коллекционировал предметы, имеющие отношение к упадку цивилизации в конце Иллурийской эпохи, то есть к событиям шестнадцативековой давности. Изучив собственную родословную, он убедил себя, что среди его предков были воры, изгнанные во время Восстания. Его интересовало все, что связано с ними. Мы достали ему, по довольно умеренной цене, несколько предметов: диссемблер, давно запре-

щенное оружие, принадлежавшее одному из предыдущих Джереми Малдунов, вазу, которой владела проститутка – любовница одного из мятежников, и еще пару артефактов того периода. Но я не знала, что его интересуют и другие древности.

– Вы хотите приобрести их для себя, Джерри, или работаете на кого-нибудь? – спросила я.

– Вы шутите, Чейз? Конечно для себя. Однозначно. – На улице гонялись друг за другом два попрыгунчика, взмахивая пушистыми хвостами. – Ладно. Сообщите мне, хорошо?

– Договорились.

– Сразу, как только достанете что-нибудь.

Три минуты спустя позвонили снова. Разговор оказался очень похожим.

– Конечно, – сказал Алекс. – Это я пустил слух.

– Зачем?

– Считай это проверкой.

– Удивительно, что кого-то может так сильно интересовать физик, пусть даже пропавший без вести. В конце концов, пропадают разные люди – пилоты, фармацевты, библиотекари. Кто угодно. Ты получил ответы от нескольких человек, которым, похоже, просто нечем заняться. Что это доказывает?

– Чейз, перестань думать о Робине как о физике.

– В самом деле? А что ты предлагаешь?

– Попробуй считать его знаменитостью.

– Можно подумать, это большой секрет.

– Ты вращаешься не в тех кругах, дорогая, – произнес Алекс, подражая Кольеру Ибсену, актеру, ставшему известным благодаря ролям крутых парней.

Глава 3

Иногда миф – это научное объяснение, которого не сделали раньше.
Кристофер Робин. Мультиверсум (1387 г.)

Нам позвонили еще несколько потенциальных клиентов с вопросами о Крисе Робине, что очень понравилось Алексу.

– Если мы разыграем все как следует, – сказал он, когда мы ближе к вечеру поднялись в воздух, направляясь в Санову, на ежемесячное собрание Общества Кристофера Робина, – то сможем сорвать серьезный куш.

– Задумайся о карьере торгового консультанта, – заметила я. Алекс улыбнулся, притворившись, что услышал комплимент.

Встреча проходила в загородном клубе «Юбилей»: в лучшие времена это было шикарное заведение для тех, кому хотелось похвастаться своим богатством. Но потом явилось новое руководство – как мы слышали, оно пришлось не по душе прежним клиентам, – и «Юбилей» оказался в упадке. Когда мы входили в клуб, у меня создалось впечатление, что его время давно миновало.

Собрание проходило в главном зале; кроме того, были запланированы семинары в различных помещениях. Мы зарегистрировались у женщины средних лет, сидевшей за столом возле двери. Она выдала нам два бейджа, и мы вошли.

Не знаю, что я ожидала увидеть, – возможно, спиритический сеанс, или команду охотников за привидениями, или того, кто встречает пришельцев из другой вселенной. Алексу мой настрой не понравился.

– Здесь действительно обмениваются идеями, – строго сказал он. – Имей в виду: это в первую очередь дружеская встреча. Но есть и другая сторона – люди могут говорить о самых безумных теориях, не опасаясь насмешек. Предупреждаю также, что по традиции все сказанное здесь не выходит за пределы клуба. Никаких записей не ведется, ни о чем нигде не рассказывают без особого разрешения.

Когда мы пришли, в зале сидело человек пятьдесят; еще десять-пятнадцать вошли, пока мы бродили, знакомясь и заводя светские беседы. Затем председатель призвал собравшихся к порядку, сделал несколько деловых объявлений и представил основного докладчика – стройную женщину с волосами цвета корицы, аттестованную как специалист в области бестелесного сознания. Женщина поблагодарила нас за приход, выразила надежду, что вечер окажется поучительным, и изъявила собравшимся признательность за то, что в этом мире еще остались люди с непредвзятым мышлением. Передав наилучшие пожелания от филиала общества в Латрилле, она с сожалением отметила, что современный мир не в состоянии признать научные заслуги Криса Робина лишь из-за их несоответствия общепринятым представлениям о вселенной.

– Кто знает, что он дал бы нам, не оборвись его жизнь столь рано? – сказала она.

Последовали аплодисменты. Она обвела взглядом зал, кивнула кому-то из сидевших сзади и улыбнулась.

– Некоторые мои коллеги, – продолжала она, – предполагают, что его похитили те, кто связан с корпорациями. Возможно, в этом есть доля истины. Если бы его изыскания в области темной энергии увенчались успехом, это нанесло бы сокрушительный удар по некоторым крупным шишкам. Вряд ли стоит говорить, о ком идет речь. Увы, похоже, исследования темной энергии зашли в тупик. Лично я сомневаюсь, что в теории заговора есть хоть доля правды. Всем нам нравятся такие теории, однако эта выглядит слишком приземленно. Но

пока мы не узнаем точно, что произошло – если вообще когда-либо узнаем, – подозрения никуда не денутся.

Женщина упомянула о некоем «нанодвигателе», с помощью которого можно было долететь до Андромеды. Затем она похвалила исследования Робина, посвященные сталкивающимся вселенным: по ее словам, никто не отказался бы от общения с существами, обитающими в иной реальности.

– Представьте, что вы встречаете еще одну версию себя самого, – сказала она. – Хотя, признаюсь, кое-кто из моих коллег считает, что для некоторых людей достаточно и одной.

Раздался смех.

– Хотелось бы думать, – продолжала она, – что где-то еще все мы тоже собрались в загородном клубе «Юбилей», но не для того, чтобы оплакать Криса Робина: нет, он стоит среди нас как почетный гость, поднимая бокалы вместе с присутствующим здесь Гарри.

Все повернулись к высокому седому мужчине, который улыбнулся в ответ. Те, кто держал бокалы, подняли их, остальные зааплодировали.

Женщина села, но аплодисменты не прекращались, и ей пришлось снова встать. Председательствующий поблагодарил ее за содержательное выступление.

– Если все действительно так, – добавил он, – интересно знать: может ли та счастливая компания представить, что происходит у нас?

Помолчав, он вздохнул и объявил, что первые два семинара состоятся в начале следующего часа.

Текст на экране в одном из конференц-залов гласил, что темой первой дискуссии будет «Мультиверсум». Зал быстро заполнился, участники заняли свои места за столом. Надо сказать, что все присутствующие выглядели профессионалами, знающими свое дело. И каждый был полон энтузиазма.

Участники дискуссии говорили о том, что мультиверсум – единственное разумное объяснение нашему существованию, которое требует множества исключительных условий: гравитационной постоянной в узких пределах, воды, замерзающей с поверхности, слабых и сильных ядерных взаимодействий и прочих весьма точных соответствий.

– Фактически требуется наличие множества вселенных, причем громадного, – сказал ведущий, лысый коротышка, постоянно постукивавший пальцами по столу. – Нужны буквально миллиарды таких миров, чтобы в одном из них могли случайно возникнуть необходимые условия: конечно, если мы не допускаем божественного вмешательства.

Так продолжалось минут двадцать. Затем коренастый мужчина с падавшими на глаза седыми волосами повернул дискуссию в иное русло:

– Давайте зададимся вопросом: действительно ли Криса похитили или он нашел способ перебраться в другую вселенную? Кто-нибудь из участников дискуссии считает это возможным?

Двое, сидевшие за столом вместе с ним, подняли руки.

– Все, что не запрещено прямо, возможно, – заявила молодая женщина, которая вполне могла работать моделью. – Но думаю, вероятность такого события крайне мала.

Остальные кивнули. Поднялась чья-то рука. Еще одна молодая женщина.

– Если он действительно переправился на другую сторону, то наверняка взял бы с собой свидетеля. Но больше в ту ночь никто не исчез – по крайней мере, на острове Виргиния.

Участники дискуссии переглянулись. Ведущий побарабанил пальцами по столу.

– Разумное замечание, Джессика, – сказал он. – Но возможно, он не хотел рисковать чужой жизнью, не убедившись, что может перейти в другой мир и вернуться.

Я посмотрела на Алекса.

– Фантастика.

– Да, название «Универсальное такси» обрело бы совсем иной смысл, – кивнул он.

Сидевший рядом со мной бородач поинтересовался: правда ли, что Робин предсказал землетрясение, зная, что оно станет результатом столкновения бран? Сперва я не поняла, о чем идет речь, но потом вспомнила, что физики называют «бранами» края вселенной – если, конечно, у вселенных вообще есть края. Вопрос переадресовали некоему Биллу – высокому, худому человеку, явно преодолевшему столетний рубеж.

– Я слышал эту историю, – сказал он. – Можете дать ссылку на источник?

– Нет, – ответил тот. – Я пытался выяснить, откуда все пошло, но так и не сумел.

Билл посмотрел на других участников, но те покачали головой. Похоже, история была всем знакома: кто-то даже заметил, что она кажется ему весьма правдоподобной. Но никто не мог установить ее происхождение.

Поднялась еще одна рука: седой мужчина с аккуратно подстриженной бородой, выглядевший как глава департамента.

– Правда ли, что в ту ночь, когда исчез Робин, он возвращался со Скайдека? – спросил он.

– Да, правда.

– Он действительно куда-то летал или просто проводил время на станции?

– Он куда-то летал, – сказал Билл.

– Известно, куда именно?

– Ни у кого нет ни малейшего понятия.

Снова поднялась рука.

– Как насчет черных дыр?

– Что конкретно вы имеете в виду? – спросил ведущий.

– Робин интересовался ими?

– Ха! Кто же не интересуется черными дырами? – заметил участник, сидевший в дальнем конце зала.

Все рассмеялись.

– Конечно, – подала голос женщина из задних рядов, – но ведь он все время наносил на карту их пути, траектории или что-то в этом роде?

Ведущий обвел взглядом других участников. Заговорила женщина средних лет, хорошо одетая, с сардонической усмешкой: она сомневалась, что Робин переместился в иную вселенную. Судя по надписи на бедже, это была доктор Мэтьюс.

– Верно, – ответила она. – Робин действительно этим занимался.

– А известно зачем?

– Вероятно, в качестве хобби. Честно говоря, я бы удивилась, если бы Робина не интересовали черные дыры.

Вечером мы посмотрели запись интервью с Робином: он отвергал теорию о том, что вселенная является голограммой. Удивительно, что эту идею вообще могли принимать всерьез – но, похоже, в ее поддержку приводились какие-то доказательства.

«Однако, – говорил Робин, – существуют альтернативные объяснения. Мы еще многого не знаем, но порой стоит лишь прислушаться к здравому смыслу».

Один из выступавших, Чарли Планкетт, инженер из «Корбин дата», поведал о попытке Робина доказать, что голоса в доме, якобы населенном призраками, могут иметь отношение к альтернативной вселенной.

– К несчастью, результаты оказались неубедительными, – заключил он.

В программе под названием «Альтернативные „я“» участники обсуждали следующую идею: в бесконечном океане вселенных возможно все, а значит, где-то существуют другие версии нас самих. Нам задавали вопросы, с кем из своих параллельных «я» мы хотели бы встретиться, будь у нас такая возможность. Публика выбирала героев войн, суперзвезд, сердцеедов. Бородач рядом со мной хотел бы стать главой компании «Колосс инкорпорейтед».

– Почему? Чтобы никогда больше не иметь дела с боссом.

Многим просто хотелось встретить такого себя, который добился чего-то выдающегося. Кто-то выразил надежду: «В конце концов, им могу оказаться я сам». Публика зааплодировала.

Настал черед Алекса. Он нисколько меня не удивил:

– Я предпочел бы остаться самим собой. Мне нравится иметь дело с антиквариатом.

Потом подошла моя очередь. Несколько лет назад я единственный раз в жизни влюбилась в мужчину – и позволила ему уйти. Будь у меня возможность, я хотела бы встретиться с Чейз Колпат, которая удержала этого человека, вышла за него замуж и вела спокойную жизнь. Я очень хотела знать, что могло бы из этого выйти. Но я не собиралась говорить ни о чем таком перед толпой незнакомцев и ответила, что с удовольствием провела бы час в обществе Колпат – ведущей солистки «Бандольеров», составившей на этом состояние.

Во время той же дискуссии один из историков задал ей иное направление.

– У него был высокий коэффициент интеллекта, – сказал он. – Более двухсот шестидесяти: слишком много для человека. Возможно, его никто не похищал и он не провалился в другое измерение, а просто отправился домой.

Позднее я спросила этого историка, есть ли под этим предположением реальные основания. Он лишь печально покачал головой:

– Нет. А жаль.

Незадолго до исчезновения Робина у него взял интервью Тодд Каннингэм, знаменитый ведущий ток-шоу, чья карьера в то время только начиналась. Робин оставлял куда лучшее впечатление, чем после просмотра фотографий, – расслабленный, дружелюбный, с чувством юмора. Он широко улыбнулся, услышав вопрос Каннингэма: почему он постоянно делает заявления, вызывающие критику со стороны его коллег?

«Не уверен, что они мои коллеги», – ответил Робин.

«Значит, других ученых», – скромно улыбнулся Каннингэм, словно намекая, что его гость грешит против истины. На лице Робина появилось неловкое выражение, но я чувствовала, что он полностью владеет собой.

«Об этом нелегко говорить, Тодд, но в действительности большинство из нас, даже физики – может быть, даже прежде всего физики, – не приемлют новых идей. Мы считаем, будто все важные открытия совершены в Золотом веке и ничего существенного уже не найти».

«Вы полагаете, это не так?»

«Надеюсь, что не так. Действительно надеюсь. Не хочу думать о том, что ничего нового мы уже не узнаем».

«Вы надеетесь добиться прорыва в науке, Крис?»

«Да».

«Где он может случиться?»

«Не знаю. Если бы знал, то сказал бы».

«А когда будете знать?»

Робин улыбнулся.

«Возможно, после Уриэля».

«Уриэля?»

«Когда у меня что-нибудь появится, Тодд, я с вами свяжусь».

Каннигэм нахмурился.

«Что за Уриэль, Крис? Вы имеете в виду ангела?»

«Я вам сообщу…»

Алекс нашел астронома – тихую темнокожую женщину по имени Сильвия: она выглядела не на своем месте в этом зале, где звучали шутки и преувеличенные заявления. Я подозревала, что ее уговорили прийти примерно так же, как меня.

– Сильвия, – спросил он, – что такое Уриэль?

Она явно обрадовалась, услышав прямой вопрос.

– Это звезда-карлик, Алекс. Шесть с половиной световых лет отсюда. Может, чуть поменьше.

– Планеты есть?

– Несколько. Все необитаемые. По крайней мере, в последний раз, когда я смотрела, было именно так. – (В соседней комнате слышался смех. Вечер подходил к концу.) – И в ней нет ничего необычного.

– Есть идеи насчет того, о чем говорил Робин?

Она покачала головой.

– Нет. И ни у кого нет. Я уже видела это интервью и не представляю, что он имел в виду. Даже не уверена, что он говорил именно о звезде. Возможно, вам стоит побеседовать с историком. Или теологом, – улыбнулась она. – Лучше всего, наверное, с теологом.

Когда дискуссии завершились, мы вернулись в главный зал, где устроили фуршет. Алекс направился к столу, за которым сидели Харви Хоскин, председатель общества, и Брэндон Рупрехт, биолог. Хоскин, с щетинистой седой шевелюрой и коротко подстриженной бородкой, вероятно, был старше всех в зале.

Мы поговорили об обществе, о внеочередном собрании, которое должно было состояться ближе к концу года на северном побережье, и о претендентах на премию Криса Робина, которую собирались вручать на летнем собрании в Андикваре. Премия давалась тем, кто «вышел за пределы возможного». Во время паузы в разговоре Алекс спросил, как возникло общество.

– Оно существует уже двадцать седьмой год, – ответил Хоскин. – Все началось в здешнем университете, после того как Джим Хоувел защитил диссертацию по анализу множественных вселенных Робина. Джим сегодня участвовал в одной из дискуссий.

– Да, – кивнул Алекс. – Мы там были.

– Так или иначе, как вам наверняка известно… – Хоскин углубился в математические дебри, начав рассказывать о гибкости пространства-времени: по крайней мере, мне казалось, что речь шла об этом. – Таким образом, он настаивал на существовании альтернативных вселенных. Я не настолько хорошо знаю физику, чтобы вдаваться в подробности, но все это можно найти в его книге.

– У нас есть экземпляр, – сказал Алекс.

– Прекрасно. Значит, вы поймете, почему этой темой заинтересовалось так много людей. Прежде никто даже не осмеливался заговаривать об этом. – Он посмотрел через стол на Рупрехта. – К тому времени, когда Робин пропал без вести, он стал объектом насмешек. Возможно, многие ему завидовали: не знаю. Так или иначе, мы – большинство из нас – не ценили его, пока он не исчез. Теперь, конечно, он герой. Как-то раз на вечеринке мы заговорили о нем и, как мне кажется, начали понимать, что он для нас значил. Робин не боялся

ошибиться. Он стремился не столько быть правым, сколько задавать правильные вопросы. Понимаете, о чем я?

– Именно так и возникло Общество Криса Робина, – подхватил Рупрехт, мужчина среднего роста, средней внешности и вообще средний во всем. Такие лица, как у него, забываются на следующий день, но вот взгляд его глаз заставлял собеседника застыть на месте.

– Есть ли хоть малейший шанс на то, что Робин мог оказаться прав? – спросила я. – Понимаю, это звучит безумно, но есть ли вероятность, что, скажем, этот шкаф в углу ведет в иную вселенную?

– Законам физики это не противоречит, – улыбнулся Хоскин. – Верно, Брэнди?

Рупрехт с улыбкой поднес бокал к губам и поставил на стол, не отпив ни глотка.

– Это вне моей компетенции, – ответил он.

Похоже, я выглядела ошеломленной, и Хоскин это заметил.

– Нужно соблюдать осторожность, Чейз, и не отвергать идеи лишь потому, что они противоречат здравому смыслу. Кто поверил бы, что частица может находиться в двух местах одновременно?

Алекс спросил, знал ли кто-либо из присутствующих Робина лично. Хоскин переадресовал вопрос Рупрехту.

– Я его знал, – с грустной улыбкой ответил тот. – Крис был хорошим парнем. Порой ему не хватало терпения, но его исчезновение стало потерей для меня.

– Каким он был?

– Он шутил над самим собой. Себя он воспринимал всерьез, но не ждал того же от других. Иначе, наверное, он столько бы не прожил. Ему хотелось производить исследования, не имеющие практического значения: только ради этого он и жил. Он хотел открыть нечто новое – например, научиться путешествовать в прошлое, попутно выяснив все сложности данного процесса. Но та эпоха давно миновала. Все, чем мы сегодня занимаемся, – это разработка более совершенных двигателей и исследования различий в развитии жизни на разных планетах, если эта жизнь вообще там есть. Поэтому долгое время Робина никто не воспринимал всерьез. Но он научился с этим жить.

– Кстати, – вмешался Хоскин, – его крайне интересовали случаи появления неопознанных кораблей.

– Неопознанных кораблей?

– Ну, тех самых, которые иногда видят со станций. Появляется корабль, проходит мимо, не представившись, и улетает прочь.

– Конечно, я слышал о них, но никогда не придавал этим историям большого значения, – сказал Алекс.

– Такие корабли существуют. Прохождение их зафиксировано. Они начали появляться давно, несколько столетий назад.

– Значит, кто-то заблудился, и все. Забрел не в ту систему и ушел назад.

– И все же некоторые случаи выглядят странно… – Хоскин повернулся ко мне. – Вы ведь пилот, Чейз?

– Да, Харви.

– Если я наблюдаю, как корабль совершает прыжок в гиперпространство, – что я вижу?

Я не вполне поняла, о чем он спрашивает.

– Ничего, – наконец ответила я. – Он просто исчезает.

– Именно. Как будто выключают свет.

– Да.

– Но эти неопознанные корабли – по крайней мере, некоторые – не просто исчезают. Кажется, что они гаснут в течение нескольких секунд, постепенно становясь невидимыми.

– Что про них думал Робин?

– Он никогда не говорил об этом. Но такие корабли явно интриговали его. И я наверняка знаю, что он думал.

– Что же?

– Что это корабли, созданные иной цивилизацией. Или прилетевшие из иной вселенной.

Я выпила довольно много и поэтому велела искину доставить нас домой. Был ясный, прохладный вечер, по безлунному небу плыли легкие облака.

– Что ж, – заметила я, – все это весьма интересно.

– Да. И полезно.

– С чего ты взял? Вряд ли кто-нибудь из них, несмотря на свой энтузиазм, купит книгу лишь из-за комментария Робина.

– Пожалуй, ты права.

– Тогда что?..

– Чейз, мы можем получить приличные деньги за артефакты Робина.

– В самом деле? Почему?

– Это настоящий источник мифов. Призраки, сталкивающиеся вселенные, корабли из иных реальностей. А потом он исчезает.

– Плохо понимаю тебя.

– Приличных денег не получить, если Робином будут интересоваться лишь несколько человек.

– Согласна.

– И конечно, никого не волнуют физики. Я хочу сказать, никто их не понимает. Но что насчет безумного ученого, который то ли провалился в иную вселенную, то ли сам из нее явился?

– Алекс, мне не нравится, куда ты клонишь.

– Это всего лишь реклама, Чейз. Нам нужно создать у публики соответствующее восприятие.

– И как ты собираешься это сделать?

Глава 4

Восприятие – это всё.
Земная пословица (третье тысячелетие)

Через два дня после конференции, посвященной Крису Робину, Алекс появился на шоу «Ньюскоп», которое вела Лея Кармоди. Я сидела дома – сбросила туфли, положила ноги на стол и наслаждалась бокалом «Найтбайндера». Впрочем, лимонного сока я выдавила многовато.

Другим гостем Леи был Арлен Адамс с внешностью ветхозаветного пророка – рослый и внушительный, чуть ли не тысячелетний старец с проницательным взглядом и длинной седой бородой. Он также заведовал кафедрой физики в Перенниал-колледже и никогда не скрывал своей неприязни к Алексу.

Лея объявила тему: «Крис Робин, физик, исчезнувший сорок один год назад» – после чего обратилась к Алексу. Тот первым делом признался, что почти не разбирается в физике и, соответственно, не считает себя вправе говорить о работах Робина. Далее он повел речь о желании Робина проникнуть на новую территорию, о его попытках объяснить «биологичность» мироздания, уверенности в существовании альтернативных миров и настойчивом стремлении ответить на вопросы вселенского масштаба, от чего все остальные давно отказались.

Я знала, что Алекс прочитал все труды по этой теме, которые смог найти, а его профессиональная этика была мне хорошо знакома. Поэтому его выступление нисколько меня не удивило. Адамс все это время сидел, безмятежно глядя в потолок, словно не понимал, что он вообще тут делает. Когда Лея попросила его прокомментировать сказанное, он лишь покачал головой.

– Когда появятся надежные доказательства, подкрепляющие хоть одно из этих утверждений, я с радостью на них взгляну, – сказал он. – Пока же все эти разговоры о бранах, местах с иными законами физики и так далее остаются лишь разговорами, пустыми рассуждениями. Не более того. Уверен, господин Бенедикт со мной согласится.

Лея выдала приятную улыбку.

– Кто-нибудь из вас сумеет рассказать, как могла бы выглядеть альтернативная вселенная?

Адамс терпеливо улыбнулся в ответ.

– Если повезет, в ней не будет чокнутых торговцев антиквариатом, – ответил он.

– Надеюсь, – улыбнулся, в свою очередь, Алекс. – Теперь отвечу на ваш вопрос, Лея: альтернативная вселенная – всего лишь место, где действуют иные законы. Например, если гравитация слишком слаба, звезды могут никогда не сформироваться. Может быть и по-другому: законы почти те же, зато история отличается – скажем, пирамиды построили греки или мы сами совсем иные. К примеру, вы можете торговать антиквариатом, а я – вести ток-шоу. А профессор Адамс отличается непредвзятым мышлением.

Адамс снова уставился в потолок. Лея рассмеялась, словно в ответ на дружескую шутку.

– По-вашему, нечто подобное действительно может существовать?

– Не исключено. Некоторые физики утверждают, что это математическая необходимость.

Адамс откашлялся.

– Как ни больно это признавать, – сказал он, – но господин Бенедикт прав.

– Значит, иные вселенные существуют?

– По всей видимости, да, – ответил Адамс.

Лея обвела взглядом своих гостей.

– Есть ли доказательства того, что профессор Робин нашел способ переместиться в одну из них и отправился туда?

– Я бы не назвал это доказательством, – сказал Алекс, – но некоторые утверждают, что именно так все и было.

– Он сам хоть раз об этом заявлял?

– Я не слышал.

Лея снова повернулась к Адамсу.

– Арлен, каково общее мнение на этот счет? Сможем ли мы когда-либо путешествовать между альтернативными вселенными – если предположить, что они существуют?

Он подпер подбородок сложенными ладонями.

– «Когда-либо» – слишком неопределенное выражение, Лея. Но в ближайшие годы мы вряд ли сядем в «универсальное такси» господина Бенедикта и побываем там.

– Рада, что мы достигли определенного согласия, – кивнула Лея. – Давайте поговорим об исчезновении Робина.

Надменная улыбка Адамса угасла, сменившись выражением сожаления.

– Он вернулся из путешествия на Скайдек, его высадили возле дома, и никто его с тех пор не видел. Вероятно, свалился в океан в пьяном виде.

– А вы считаете, что он исчез в альтернативной вселенной? – обратилась Лея к Алексу.

– Я этого не говорил.

– Жаль, – улыбнулась Лея.

– Лея, нам неизвестно, что случилось на самом деле. Сейчас мы пытаемся это выяснить.

– Удачи, – сказал Адамс.

– Алекс, вам не кажется, что при наличии хоть каких-то подозрений кто-нибудь давно занялся бы этим?

– Этим занимаются, Лея. Полиция не закрыла дело, но загадка остается. Упал ли он в море или его похитили? А может, с ним случилось нечто, недоступное нашему пониманию? Профессор Адамс прав: история выглядит настолько безумной, что большинство физиков не хотят в ней копаться. Если воспринимать ее всерьез, это никак не улучшит вашей профессиональной репутации, и поэтому они предпочитают держаться в стороне. Если впоследствии окажется, что Робин нашел способ покинуть нашу реальность, множество коллег профессора Адамса станут заявлять, что они всегда об этом подозревали.

– Значит, вы все-таки допускаете такую возможность, Алекс? Возможность перейти в иную вселенную?

– Кто способен сказать, что возможно, а что нет, Лея?

Алекс взглянул на Адамса: тот сидел с закрытыми глазами, едва заметно качая головой. И в самом деле, кто? В такие моменты я жалела, что не занялась торговлей недвижимостью.

Что на самом деле случилось в тот вечер, когда Элиот Чермак привез Криса Робина домой? Лучше всего было бы расспросить самого Чермака, но, к несчастью, в сети его аватара не нашлось. Однако у Элизабет он имелся.

Аватары, естественно, считаются крайне ненадежными источниками, ведь они говорят то, что им велено говорить. Такой-то и такой-то был полным идиотом. Я никогда не видел тех драгоценностей. Я никогда не совершал того, в чем меня обвинили. Но порой, при определенной осторожности и правильной постановке вопросов, можно узнать часть правды.

Алекс попросил меня быть рядом во время разговора – он считал, что женщины, даже аватары, обычно проявляют больше открытости в присутствии другой женщины.

Появившаяся в то утро Элизабет вовсе не походила на юную темноволосую красавицу, которую мы видели на фотографиях. Прежнее великолепие потускнело. Я видела перед собой улучшенную версию ее сестры Карен; во взгляде чувствовалась скорее усталость, чем необузданное обаяние молодости. Волосы были коротко подстрижены: эта суровая мода исчезла вместе с предшествующим поколением.

– Здравствуйте, – спокойно сказала она. – Чем могу помочь?

Мы представились.

– Нас наняла ваша сестра, – объяснил Алекс, – чтобы определить ценность некоторых предметов, которые вы ей оставили.

– Ах да. – Губы ее плотно сжались. – Она ведь намерена все продать?

– Нет. Я вовсе не это имел в виду. Но она озабочена тем, что вы и ваш муж не получили заслуженного признания. Со времени исчезновения вашего мужа прошло уже много времени, и, как часто случается, люди начинают забывать о его вкладе в науку. И о вашем тоже – без вас он вряд ли бы работал так результативно.

В ее темных глазах промелькнули веселые искорки.

– Вы красиво говорите, господин Бенедикт. Что вы желаете узнать?

– Мы хотим узнать, известно ли вам хоть что-нибудь о случившемся с ним.

Несколько мгновений она смотрела на Алекса, затем перевела взгляд на меня.

– Можно сесть?

Обычно аватар, желающий сесть, сам берет себе стул.

– Конечно, – ответил Алекс, показывая, что она может выбрать любое из свободных кресел или другой конец дивана, на котором сидел он сам. Элизабет улыбнулась и устроилась на диване.

– Понятия не имею, что с ним случилось. Этот вопрос мучил меня постоянно. Просто не знаю. И очень хотела бы знать.

– Вы не знаете никого, у кого мог быть мотив?..

– Кое-кому он не нравился. Некоторые завидовали ему. Но вряд ли кто-то мог зайти столь далеко. – Она покачала головой. – Просто не знаю. Очевидно, у кого-то имелись причины.

– Он не мог уйти сам?

– Об этом я тоже думала. Много лет назад такой вопрос шокировал бы меня, но теперь я свыклась с этой мыслью. Каждый, с кем я знакомлюсь, спрашивает об этом.

– Простите.

– Мы были счастливы, господин Бенедикт. Я его любила. – Она смотрела куда-то в пространство, мимо нас. – И он меня тоже.

Алекс знаком велел мне продолжать.

– Что случилось той ночью, Элизабет?

– Не знаю. Я была на собрании в церкви, потом вернулась домой и легла спать. Судя по всему, Элиот привез Криса незадолго до полуночи. Как садился скиммер, я не слышала. А потом… – Она покачала головой. – В дом он так и не вошел, я уверена. Я проснулась посреди ночи из-за землетрясения. Мы не пострадали, но несколько толчков все же было. Страшно, когда под тобой сотрясается земля. Я даже не знала, что они здесь были, пока два дня спустя не услышала, что Элиот погиб во время землетрясения, и сперва не смогла ничего понять – ведь он должен был быть в космосе вместе с Крисом. Я боялась, что Крис где-то застрял, что Элиоту пришлось вернуться и забрать его. – Голос Элизабет дрогнул. – Все это так запутано, госпожа Колпат.

– Зовите меня Чейз, – сказала я. – Вы не знаете, куда они летали – ваш муж и Элиот?

– Нет. Они постоянно куда-то уезжали. Я не слишком этим интересовалась. А стоило бы.

– Вы ждали его возвращения в тот вечер?

– В общем-то, нет. Он сказал, что уедет на неделю или около того. К тому времени прошло только три или четыре дня, и я его не ждала.

– Он обычно сообщал вам, когда вернется?

– Иногда он возвращался раньше и тогда, как правило, звонил со Скайдека. Но не всегда.

Алекс встал и подошел к столу.

– Значит, ваш муж часто покидал планету? – спросил он.

– Да. Постоянно.

– Вы когда-нибудь летали вместе с ним?

– Три или четыре раза. Мне не слишком нравятся полеты в космос. У меня кружилась голова даже от перелетов на Скайдек.

– Вы очистили память домашнего искина. Зачем?

– Слишком много воспоминаний. Крис был там, в системе. Я могла бы проводить бесконечные вечера, беседуя с ним, радуясь его обществу, притворяясь, будто он дома, живой. Я знала, что не выдержу этого.

– Да, это могло быть тяжело, – кивнул Алекс. Бывали случаи, когда после отказа расстаться с умершим любимым людям приходилось лечиться. – Как вы узнали, что Чермак был возле дома? От соседей?

– Никто не жил настолько близко к нам, чтобы его можно было назвать соседом, – печально улыбнулась Элизабет. – Я любила наш дом, но мне не нравилось одиночество. В Пойнте мы были одни. Так захотел Крис, и я с этим смирилась. – Она глубоко вздохнула. – Садившийся скиммер видели двое человек, прогуливавшихся по берегу океана. Согласно их описанию, он выглядел как скиммер Элиота. Но поскольку Крис так и не появился, я решила, что это простое совпадение. Свидетели, однако, клялись, что скиммер действительно приземлился. И конечно, когда выяснилось, что Элиот вернулся домой и погиб во время землетрясения…

– Видимо, для вас это был страшный удар, – сказал Алекс.

– Да. И я так и не оправилась от него.

Глава 5

Призраки существуют. Однако ужас вовсе не в том, что они посещают брошенные дома, темные леса и старинные соборы. Нет, все намного сложнее. Скорее можно сказать, что они посещают наш разум. И к несчастью, нескольких молитв или капель святой воды не хватит, чтобы избавиться от них.
Феррис Граммери. Знаменитые призраки Деллаконды (1311 г.)

Я вывела на экран изображения артефактов Робина. И снова мое внимание привлекла фотография громоздкого, старомодного межзвездного корабля, висевшая у Робина на стене.

– Джейкоб, – спросила я, – можно ли идентифицировать этот корабль?

Короткая пауза, затем ответ:

– Работаю.

Я разглядывала корабль и два странных символа на его корпусе:

Это явно было название, но с языком я никогда прежде не видела. Может, язык «немых»?

– Я нашел соответствие, Чейз, – сообщил Джейкоб. – Это корабль, пролетевший мимо станции Санусар пятьдесят четыре года назад. Его так и не опознали.

Есть! Наверное, поэтому Алекс решил, что где-то видел его.

– Его наблюдали в течение нескольких часов.

– С ним удалось связаться по радио?

– Ответ отрицательный. Пытались, но ответа не получили.

Когда я рассказала об этом Алексу, он ответил, что уже знает.

– У меня есть для тебя сюрприз, – добавил он.

– Какой?

– Давай я кое-что покажу. Нашел вчера вечером.

Неожиданно передо мной возник вестибюль, полный народу. Там что-то происходило: все были возбуждены и устремлялись туда, где виртуальный журналист брал интервью у хорошо знакомого нам Криса Робина.

«Итак, профессор, что вы думаете об этом?» – спросил репортер.

«Не знаю в точности, что это, но не очередной заблудившийся корабль», – ответил Робин.

– Станция Санусар, – сказала я («1380 год, полвека назад»). – И Робин там был?..

«Профессор, почему вы считаете, что это не очередной заблудившийся корабль?»

«Посмотрите, как он улетел, – сказал Робин. – Взглянув на запись, вы увидите, что он не просто вошел в гиперпространство. Все было по-другому».

– Знаешь, – заметила я, – возможно, именно поэтому он и заинтересовался подобными явлениями. Случайно наблюдал за одним из них.

– Возможно. – Алекс озадаченно покачал головой. – Но мне кажется, дело не только в этом.

– То есть?

– Давай я покажу тебе сообщения, которые появлялись в прессе на второй неделе нового тысяча триста восемьдесят седьмого года. Джейкоб?

Вспыхнул экран монитора. Я начала читать заголовки:

МЕЙЕР АРЕСТОВАН ПО ОБВИНЕНИЮ В КОРРУПЦИИ

УЧЕНЫЕ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ЖАРКОЕ ЛЕТО

САРА ГОЛД РАЗВОДИТСЯ С ГАРРИ

ПОЛИЦИЯ СЛИШКОМ ОСТРО РЕАГИРОВАЛА, ЗАЯВЛЯЕТ РАССЕРЖЕННАЯ МАТЬ

И наконец:

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ИНОПЛАНЕТЯН НА СТАНЦИИ СКАЙДЕК?

По сообщениям Главной диспетчерской службы глубокого космоса, прошлой ночью через звездную систему мог пройти инопланетный корабль. Он появился без предупреждения на внешней границе полетной зоны Окраины, не отвечал на вызовы диспетчеров и примерно через три часа покинул область действия сканеров. Его также наблюдали с частной яхты, откуда было сделано несколько фотографий.

Власти полагают, что неизвестный звездолет не является стандартным кораблем Конфедерации, поскольку способ его выхода из системы говорит о наличии двигателя неизвестного типа. Не похож корабль и на ашиурский.

Пришелец не приближался к Окраине и, по утверждению властей, не представлял никакой угрозы. Власти также заявляют, что не верят в его инопланетное происхождение. По словам их представителя, намного вероятнее, что это экспериментальный корабль, происхождение которого станет известно в ближайшее время. Никто, однако, не смог объяснить, почему корабль не отвечал на неоднократные запросы.

Владелец и пилот частной яхты «Волнолом» Элиот Чермак, к сожалению, не сумел догнать пришельца. Сделанные им фотографии указывают на то, что неизвестный корабль попросту разогнался до скорости, превосходившей максимальную скорость яхты.

Расследование продолжается.

– Чермак? – спросила я. – Тот, который возил Робина?
– Да.
– А был ли тогда Робин на «Волноломе»? Мы это знаем?
– Не знаем. Но я почти не сомневаюсь в этом.
– Ты не веришь в совпадения?
– Нет.
– Но считаешь, что он был свидетелем двух подобных явлений?

– Я не говорил, что это совпадение.

– Как он мог знать заранее?

– Не знаю, Чейз. Найдя ответ на этот вопрос, мы сделаем еще один шаг к выяснению судьбы Робина.

В последующие несколько дней Алекс еще дважды выступил перед публикой и дал интервью «Селестиалу», журналу, который специализировался на сенсациях. Я заметила, что он лишь играет на руку критикам, но Алекс ответил, что речь идет о продвижении продукта: это важный компонент бизнеса.

План сработал. Интерес к артефактам Робина непрерывно возрастал. Увидев, что происходит, Карен Говард пришла в восторг и позвонила нам, настаивая на проведении аукциона, пока спрос не упал.

– Мы еще не готовы, – ответил ей Алекс. – Подождите немного.

– Вы уверены, господин Бенедикт? – Идея явно не пришлась ей по душе.

– Все идет по плану, Карен. Потерпите немного.

– Ладно. Наверняка вы знаете, что делаете. – Судя по ее тону, она в этом сильно сомневалась. – Когда вы планируете провести аукцион?

– Мы наблюдаем за рынком. Когда будем готовы, я вам сообщу.

Несколько минут спустя позвонила Шара Майклс. Она возникла перед моим столом, одетая в голубой лабораторный халат.

– Как идет большая распродажа? – спросила она.

– Какая именно, Шара?

– Робин.

– Очень неплохо. Не хочешь сделать ставку?

Шара была физиком, как и Робин.

– Если честно, есть такое желание.

– В самом деле? – Это было не похоже на нее. Есть два типа коллекционеров: те, кто надеется приобрести артефакт в расчете на перепродажу и прибыль, и те, кто испытывает к нему сентиментальный интерес. Шара не принадлежала ни к одной из этих категорий. – Зачем?

– Я видела Алекса. В ток-шоу…

– И?..

– В его описании Робин выглядит намного более интригующе, чем я о нем думала. Я бы не отказалась иметь у себя дома что-нибудь из его вещей. Может, они будут напоминать мне о том, как важно быть непредвзятой.

– У него это хорошо получается – продавать разные истории.

– Догадываюсь. Ты знаешь, что Робин верил в следующую жизнь?

– Многие верят.

– Но лишь немногие из физиков. – Шара посмотрела на меня так, словно я плохо соображала. – Робин проводил эксперименты, пытаясь определить, переживает ли смерть тела разум или душа – называй как хочешь. Для него была невыносима мысль о том, что он рано или поздно умрет. И еще кое-что: он считал, что в галактике существует множество высокоразвитых цивилизаций, и тратил немало времени на поиски способа связи с ними.

– Что, сидел в комнате с передатчиком?

– В общем, да, – рассмеялась она. – С какой-то гиперсистемой. Он надеялся найти способ преодолеть пограничные области. – (Имелся в виду межпространственно-временной переход, до сих пор толком не изученный.) – Так или иначе, несмотря на свое сумасбродство, парень был гением. Но я звоню не поэтому. Чейз, меня беспокоит Алекс. В последнее время его много критикуют журналисты. С ним все в порядке?

– Все отлично, Шара. Думаю, он к этому давно привык.

– Что ж, рада слышать. Если могу чем-то помочь…

– Конечно, Шара. Я скажу, что ты звонила. Если что-нибудь потребуется, мы сообщим.

– Спасибо. – Она уже хотела отключиться, но вдруг поколебалась. – И еще о Робине…

– Да?

– Среди артефактов нет ни его блокнота, ни домашнего искина, правильно? Я не видела их в списке.

– Нет. Мы не знаем, что случилось с блокнотом. Элизабет стерла данные из памяти искина, чтобы не поддаться соблазну вернуть мужа.

– Понимаю. Чейз, если вам попадется дневник, записи, что-либо в этом роде, дайте знать.

– Ладно.

– В них может содержаться очень ценная информация.

– Я спрошу его невестку. Возможно, она знает чуть больше, чем рассказала нам.

– Хорошо. Если что-нибудь найдется, позвони сперва мне, ладно?

– Конечно, Шара.

Я позвонила Карен Говард.

– Нет, – ответила она. – У Робина действительно был блокнот, который он обычно носил с собой. Но его не оказалось среди вещей.

– Точно?

– Я проверю и перезвоню вам.

Мне почему-то не слишком хотелось возвращаться к рутинной административной работе, которой я занималась весь день. Устроившись в кресле, я вдруг обнаружила, что думаю о Габриэле Бенедикте, дяде Алекса, который нанял меня для работы в возглавляемой им команде археологов. В то время я куда больше времени проводила в поле на раскопках, чем в офисе. Но нашей штаб-квартирой был тот же самый дом, и я сидела за тем же самым столом. На боку его до сих пор была царапина – там, где Гейб вместе с одним из своих коллег случайно зацепил его лопатой. Сейчас стол повернут этой стороной к стене, и царапины не видно.

На книжном шкафу стояла фотография, изображавшая нас с Гейбом. В одной руке он держал совок, в другой – кость. Я опиралась на лопату. Гейб был для меня не только боссом, но и другом. Три года я возила Гейба и его коллег в отдаленные уголки, разбросанные по всему Рукаву Ориона. Конечно, я знала, что цивилизации переживают расцвет и упадок, что города, купавшиеся в лучах солнца, по разным причинам погружаются во тьму, а затем и в землю. Это знает каждый. Но окончательно я поняла, что это такое, лишь тогда, когда Габриэль Бенедикт сделал меня транспортным директором. Должность была фиктивной: на самом деле я оставалась пилотом Археологического инициативного общества имени Энн Флери, которая основала его для сохранения исторических мест, надлежащего ухода за ними и защиты их от всевозможных «добытчиков». Под «добытчиками», разумеется, понимались такие люди, как Алекс, – и в конечном счете такие, как я.

Именно потому Гейб был так недоволен племянником. Алекс не знал своих родителей. Оба они были историками. Мать умерла при родах – в том году это стало причиной смерти всего трех женщин. Отец скончался год спустя, исследуя руины Кашнира: его атаковал рой драконовых пчел. Малыш временно оказался на попечении Габриэля и его жены Элены и так и остался с ними.

Когда я познакомилась с Гейбом, Элены с ним давно не было. Она сбежала с человеком, о котором я ничего не знаю. Подробности мне неизвестны. Не могу представить, что она нашла кого-то лучше Гейба.

Алекс вырос, как он любил говорить, на раскопках. Он унаследовал фамильную страсть к истории, но не пошел по стопам Гейба, решив, что артефактов в космосе хватит на всех. Антикварные предметы – особенно связанные с историческими личностями или событиями – пользовались немалым спросом, и Алекс считал, что будет естественно зарабатывать на этом.

Вскоре после того, как я начала работать с Гейбом, я узнала, что у него есть племянник. Когда я невинно спросила, интересуется ли Алекс археологией, Гейб помрачнел и покачал головой.

«Нет, – ответил он. – Ни в коей мере».

Больше я ни о чем не спрашивала Гейба, узнав подробности от его коллег.

«Алекс грабит могилы, – сказал один из них. – Думаю, Гейб хотел, чтобы сын вырос другим».

В конце концов дядя и племянник помирились, но так и не стали близки. Все эти годы я не встречалась с Алексом. Сами понимаете, я была о нем не слишком высокого мнения и жалела его дядю.

Когда на Окраину вернулся исследовательский корабль «Тенандром» и разведка принялась скрывать информацию о том, что видели летевшие на нем, это очень заинтересовало Гейба. Он отправился домой и провел собственное расследование, после чего сообщил мне, что все выяснил. Гейб возвращался на «Капелле», и по дороге та исчезла. Он просил меня встретить его на станции Саралья. Никогда не забуду, как я сидела в ночном баре «Карловски», слушая сообщения. Межзвездный корабль опаздывал. Два часа спустя он так и не прибыл. Потом нас заверили, что беспокоиться не о чем: задержки порой случаются. Чуть позже сообщили об отправке поисковых групп. Я бродила по вестибюлю, не находя себе места, и тут объявили, что «Капелла» официально признана пропавшей без вести.

Конечно, ее так и не нашли. Для меня настало несчастливое время. Я даже не сознавала, насколько мне нравится Гейб. Можно сказать, что я любила этого веселого и добродушного человека с неиссякаемым чувством юмора. Я часто думала о том, как глупо поступила жена Гейба, бросив его. Он излучал какое-то невинное обаяние, и мне нравилось бывать в его обществе. Именно потому я часто бывала на раскопках, ела приготовленную на костре еду, спала под открытым небом, то и дело брала в руки лопату. Оглядываясь назад, я понимаю, что это были лучшие дни моей жизни.

А потом он исчез – как будто его и не было.

Взяв себя в руки и смирившись с тем, что «Капелла» нигде не выплывет волшебным образом, я вернулась на Окраину, в загородный дом. Гейб задолжал мне за два месяца. Сначала я решила, что не стану требовать денег, но, услышав, что имущество унаследовал племянник, переменила мнение.

Так я и познакомилась с Алексом – на нем висел долг. Признаюсь честно, вначале он мне не нравился: то ли из-за того, что́ я о нем знала, то ли потому, что он занял место Гейба и мне это было не по душе. Но потом мы заговорили о «Тенандроме». Почему разведка скрывает информацию о его миссии? Как это связано с Гейбом?

А дальше, как говорится, пошло-поехало. В итоге Алекс спас мне жизнь, а такие вещи прочно скрепляют любые отношения.

Днем перезвонила Карен.

– Блокнота нет, – сказала она. – Извините.

– Вы не могли засунуть его куда-нибудь?

– Нет. Если бы я его видела, то помнила бы. Блокнота не было среди других вещей, вот и все.

Алекс стал жадно поглощать всю доступную информацию о Робине. Выяснилось, что в школе тот был прекрасным спортсменом, что он ни в чем не нуждался – единственный отпрыск богатых родителей.

Нам по-прежнему поступало множество звонков от журналистов, но Алекс понимал, что слишком часто появляться на публике не стоит, и поэтому ограничил доступ к своей персоне. Для него это было игрой, слабо связанной с заработком, – просто ему нравилось видеть, как процветают его клиенты. Но он говорил о своей «усовершенствованной технике» так, как говорят об эпосе, вносящем ценный вклад в культуру.

Время от времени я возражала, особенно после того, как мы стали выкладываться ради Карен Говард. Честно говоря, я подозревала, что речь идет о чем-то большем, нежели артефакты Робина, и что Алекса начинает волновать тайна исчезновения ученого. Он все настаивал, что поиск разгадки не имеет смысла. Я знала, что он прав, но полагала, что это, в сущности, не важно.

Несколько раз я заглядывала в загородный дом в нерабочее время, желая убедиться, что с Алексом все в порядке. Однажды вечером я нашла его в зале. Он смотрел видеоролик: Крис Робин вручает награды ученикам средней школы на острове Виргиния. Сперва мне показалось, что Алекс вообще не заметил меня, но он остановил запись на том кадре, где Робин делился печеньем с ребятишками.

– Что думаешь? – спросил он, не поднимая взгляда.

– О чем?

– Об Уриэле. Что, по-твоему, он имел в виду, заявляя, что сможет говорить о прорыве после Уриэля?

Глава 6

Секрет действительно успешной карьеры почти в любой области – способность управлять мыслями людей. Иными словами – это связи с общественностью, в чистом виде. Есть разница между талантом и величием.
Генри Тэйлор. Политик (6712 г. н. э.)

Наблюдая за тем, как растет интерес к артефактам Робина, мы параллельно занимались поисками «Часового механизма» Кормана Эдди, исчезнувшего из поезда в середине прошлого века. Скульптор, чья блестящая карьера тогда только начиналась, уже был знаменит, но его звездный час еще не настал. Он взял скульптуру с собой в местный андикварский поезд и каким-то образом – никто не понимал, как такое могло случиться, – оставил ее на сиденье, выходя в Милл-Харборе. «В поезд вошла красивая девушка, и я отвлекся», – объяснял он.

«Часовой механизм», выполненный в абстрактной манере, изображал, по словам специалистов, неумолимое течение времени и его влияние на душу. То был набор пружин, стрелок, шестеренок, римских цифр, колесиков, циферблатов и маятников. Несмотря на небольшие размеры, для перевозки скульптуры потребовалось два сиденья. Она была упакована в прозрачную пленку. Эдди сидел по другую сторону от прохода.

Судя по всему, Эдди осознал свою оплошность вскоре после того, как сошел с поезда. Он ехал в такси в Ванкувер-центр, где должно было состояться торжественное открытие скульптуры. Охваченный ужасом, он немедленно связался с персоналом поезда, но пропажу найти не удалось. Оказалось, что через несколько минут после отхода поезда от станции пассажиры видели женщину: она с трудом тащила скульптуру в заднюю часть вагона, в котором ехал Эдди. Полиция уже ждала в Куиреску, на следующей станции, но не обнаружила и следа женщины – как и пропавшей работы. После осмотра участка пути между станциями, длиной в сорок три мили, нашли обертку: больше ничего.

Эдди был вне себя от горя. До приезда в Милл-Харбор он никому не показывал скульптуру. «Это должно было стать особенным событием для Ванкувер-центра и для меня лично», – сказал он позднее.

Эта история произошла в 1341 году, девяносто три года назад. Мы заинтересовались ею, когда на рынке появилась «Вареска» Эдди: некоторые наши клиенты начали высказывать сожаления, что скульптуру «Часовой механизм» так и не удалось найти. По их словам, они отдали бы за нее немалые деньги.

Мы стали просматривать документы и сообщения в прессе, побеседовали с двумя свидетелями и несколькими аватарами, побывали на обеих станциях. За прошедшие годы они сильно изменились, но общий план остался прежним. Мы лично убедились, что никто не мог сойти в Куиреску со скульптурой в руках и остаться незамеченным.

Я подумала, что к пропаже мог быть причастен кондуктор.

– Иначе никак, – сказала я. – Женщина, кем бы они ни была, нуждалась в помощи. Ей нужно было спрятать скульптуру и скрыться самой.

– Поезд обыскать нетрудно, особенно если ты ищешь такую крупную вещь, – ответил Алекс. – Нет, вряд ли.

– Что же тогда, Шерлок?

Алекс улыбнулся. Я часто думала о том, откуда взялось это слово, но выяснить его происхождение так и не сумела.

– Ну, например, – сказал он, – зачем вор выбросил обертку?

Я пожала плечами.

– Не знаю.

– По-моему, это можно было сделать только одним способом. Доказать я, разумеется, ничего не могу, но если исключить невозможное…

– Слушаю.

Алекс обожает такие мгновения.

– Не думаю, что женщине удалось бы успешно скрыться от полиции. Свидетели могли ее опознать. Как еще объяснить тот факт, что она тоже исчезла?

– Выбралась сзади?

– Что ж, можно списать и на небрежность полиции. Но…

– Да?

– Вопрос: если тебе нужно везти с собой ценную скульптуру, во что ты ее завернешь?

– В материал, который послужит для нее защитой.

– Станешь ли ты демонстрировать ее всем подряд?

– Нет.

– Следующий вопрос: зачем использовать прозрачный материал?

Я поколебалась.

– Чтобы похвастаться. Для чего еще?

– Очень хорошо, Чейз. Мне кажется, самое правдоподобное объяснение таково: женщины вообще не было. Был кто-то другой – скорее всего, переодетый мужчина.

В такие моменты у меня начинает кружиться голова.

– Не слишком ли маловероятно: женщина или переодетый мужчина оказывается в поезде, где один скульптор случайно оставил на сиденье нечто ценное?

– Пожалуй, да. А значит, все было подстроено.

– Каким образом?

– Карьера Эдди только начиналась.

– И?..

– Ему не помешала бы реклама.

Я рассмеялась.

– Тебе виднее. Но где она спрятала скульптуру?

– Чейз, я сомневаюсь, что «Часовой механизм» вообще существовал.

– То есть?

– Это все сказка. С самого начала.

– Но ведь Эдди вез его в поезде. Есть свидетели.

– Вероятно, они видели нечто, собранное из отдельных частей – скорее всего, с помощью корбицида. Или того, что растворяется в воде. Конструкция должна была легко разбираться.

Мы сидели на скамейке в Куиреску. Я уже начала понимать, что имеет в виду Алекс, когда к станции подошел поезд, поднимая клубы пыли, и остановился у платформы. Из вагонов стали выходить пассажиры. Мне пришлось перейти почти на крик, чтобы Алекс меня услышал.

– Хочешь сказать, она спустила все в туалет?

– А потом он снял парик. Вероятно, тем же вечером он ужинал с Эдди.

– В чем смысл всего этого?

– Эдди выставил бы малоинтересную скульптуру в Ванкувер-центре, и все. А так он на неделю стал центром внимания прессы. Истории о похищении ценных произведений искусства нравятся всем. Предупреждаю твое возражение: все сочтут, что скульптура действительно была ценной, иначе никто не стал бы ее похищать, да еще столь изощренным способом. Добавь загадку, на вид неразрешимую. Кто-нибудь обязательно скажет, что репутация

Эдди незаслуженно раздута. Но он стал знаменит благодаря истории с «Часовым механизмом»: на это ему вполне хватило таланта.

Мы возвращались на поезде в Андиквар. Алекс откинулся на спинку кресла, закрыв глаза.

– Что с тобой? – спросила я.

– Устал. – В последнее время он часто уставал.

– Тебе нужен отпуск.

Он улыбнулся, не открывая глаз.

– А кто будет заниматься бизнесом?

– Я серьезно.

– Я прекрасно себя чувствую, Чейз.

Наступила темнота – мы въехали в туннель, который преодолели за несколько секунд.

– Когда собираешься назначить дату аукциона?

– Пока думаю. Стоимость артефактов продолжает расти. Но ты права: пора их продавать, пока мы движемся в верном направлении.

Он снова замолчал.

– Размышляешь о Робине? – спросила я.

– Нет. С чего ты взяла?

Я пожала плечами.

– Просто показалось.

– А ты?

– Немного. – Алекс снова замолчал. Я смотрела на проносящийся мимо лес. – Знаешь, о чем я думаю?

– Что он, возможно, жив и развлекается где-то на островах?

– Не исключено.

Алекс покачал головой.

– Робин был слишком предан своему делу, чтобы просто взять и исчезнуть. Нет, вряд ли.

– У тебя нет никаких мыслей?

– Вообще никаких. Я разговаривал с Шарой. Сказал, что Робин был на Санусаре, а потом на Скайдеке, когда там видели неопознанные корабли.

– И что она думает по этому поводу?

– Даже не знает, что и подумать. Но она сказала мне то же, что, видимо, сказала тебе: найди блокнот.

Вагон слегка накренился, вписываясь в поворот.

– Мне не хватает Гейба, – сказала я. – Почему-то в последнее время я часто его вспоминаю.

– Таинственные корабли в ночи, – кивнул Алекс.

– Наверное.

Я сидела, прислушиваясь к шуму вентиляции в салоне. Мы выехали из леса, пересекли Мелони и помчались вдоль берега. Алекс поерзал, устраиваясь поудобнее. В купе было тесно.

– У меня такое чувство, – сказала я, – что нам придется отправиться на Виргинию.

– Боюсь даже начинать, – помолчав, ответил Алекс. – Робин был уже немолод, когда это случилось. Вероятность, что он до сих пор где-то живет…

– Когда полетим?

– Через пару недель, не раньше. У меня и без того хватает дел.

– А что, если для начала я отправлюсь туда одна?

– И что ты собираешься делать?

– Ты мне не доверяешь?

– Конечно доверяю.

Алекс тем не менее ждал моего ответа.

– Буду вести себя как турист. Поброжу по окрестностям, познакомлюсь с людьми: вдруг выясню что-нибудь. Не может быть, чтобы никто ничего не знал.

Глава 7

Мечта со временем превращается в миф, а потом и в догму.
Тулисофала. Отрывки, CLII, III (перевод Лейши Таннер)

Остров Виргиния находится примерно в десяти минутах пути от побережья Кинезии, в четырех временных зонах от Андиквара, по другую сторону экватора. Длина его составляет четырнадцать километров. В самом широком месте остров можно пересечь пешком за двадцать минут. Когда я вылетала из Андиквара, была пасмурная, холодная ночь, но на Виргинии стояло лето.

Последнюю часть пути я проделала на маленьком челноке, который доставил меня с материка в отель «Ворон на ветру». Была середина дня, и на аллеях толпились туристы. Заселившись в номер, я взглянула на ряд пологих холмов, за которыми виднелся океан, и позвонила Алексу.

– Я на месте. Здесь просто великолепно.

– Хорошо. – Он сидел за столом и завтракал. – Как прошел полет?

– Все по расписанию.

– Ладно. Развлекайся.

– Хотелось бы.

– И еще, Чейз: постарайся ни на кого сильно не давить, хорошо? Прошло слишком много времени, и вряд ли тебе удастся что-либо выяснить. Просто попытайся понять, как жил Робин, каким он был, что знали о нем соседи. Может, сумеешь узнать, чем он занимался во время последнего полета и как долго отсутствовал.

– Хорошо.

– Можешь не спешить.

– Рада слышать. Думаю, первым делом я отправлюсь на пляж.

– Отлично. Гм…

– Да, Алекс?

– Ты еще не была в доме Робина?

– Алекс, я только что прилетела.

– Угу, конечно. Да, еще кое-что…

– Что?

– Вчера вечером звонил Джек Рэмси. Через пару дней он свяжется с тобой, чтобы взять интервью. Будь осторожнее в разговоре с ним. Он не должен услышать ничего, что противоречило бы мифам. Понимаешь? Если тебе скажут, что Робин сбежал с местной танцовщицей – пусть так и будет. Рэмси должен написать, что ты относишься к этой истории крайне скептически, отправилась на остров не по собственной воле и задумываешься, стоит ли вообще этим заниматься.

– Алекс, ты не хуже меня знаешь, что Рэмси в это не поверит.

– Ему вовсе не обязательно во что-то верить. Ему нужна от тебя история, которой он сможет воспользоваться. Хорошо?

– Ладно.

– Если что-то выяснишь, прибереги для меня.

Нельзя сказать, что мы не проделывали такого раньше. Конечно, не слишком этично распускать слухи для повышения ценности товара, имеющегося у клиента, но Алекс считает, что хуже от этого никому не становится. Мы лишь зарабатываем деньги. В этом нет ничего плохого. К тому же он не просил меня открыто лгать – лишь обеспечить определенный контекст. Именно так он обычно и говорил – «контекст».

Решив, что пляж может подождать, я надела шорты и белый пуловер с вышитым на нагрудном кармане якорем, после чего смешалась с толпой туристов.

На острове Виргиния имелось около четырехсот домов. На набережной стояли отели, пансионаты, магазины и сувенирные лавки, а также конференц-центр, конюшня, пристань с множеством развлечений, детский зоопарк и аквариум. И конечно, вдоль моря тянулись пляжи.

Я стала искать кого-нибудь, не похожего на туриста, и остановилась на пожилой паре, сидевшей за столом под деревом. Купив сэндвич и шоколадного печенья, я присела на соседнюю скамейку. Привлечь внимание женщины и завязать разговор оказалось достаточно легко. Через несколько минут я уже сидела вместе с ними, делясь впечатлениями об окрестностях и жуя печенье. Большую часть своей семидесятилетней жизни они провели на Виргинии и не могли представить себе существования в другом месте. Но когда я заметила, что здесь жил Кристофер Робин, они переглянулись и пожали плечами.

– Может быть, – сказала женщина.

Чуть дальше трудился над своей лодкой старик в шортах.

– В это время года на острове царит полная свобода, – сказал он. – Каждую ночь устраивают вечеринки, дети бегают одни где попало. Я бы своих просто так не отпустил.

Старика звали Уэс Корвин. Ему было далеко за сто, и с лица его не сходила довольная улыбка. Жизненные планы Уэса, совершенно очевидно, не простирались дальше плавания по океану. При первой же возможности я сообщила, что мне здесь очень нравится и что я пишу статью о Кристофере Робине – поэтому и прилетела на остров.

– Помню, я видел его, когда только перебрался сюда, – сказал Корвин. – Вечерами он обычно гулял по берегу бухты – иногда с женой, иногда один. Помню, порой он просто стоял, облокотившись на ограждение и глядя в море. Я не вел с ним бесед, разве что здоровался. Похоже, его мало интересовало происходящее вокруг. Каждый раз, когда я встречал Робина, он смотрел в океан, или на небо, или куда-то вдаль. Понимаете, о чем я?

– Но вы знали, кто он такой?

– Черт побери, я до сих пор не знаю, кем он был. Кажется, знаменитый ученый. Вот и все, что я могу сказать.

В баре «У Руби» я выпила содовой с лимоном в компании двух женщин: одна была высокой и немногословной, другая – коренастой и очень общительной. Печально качая головой, они рассказали мне, что Робин изменял Элизабет, которая узнала об этом и ждала его в ту ночь, когда он вернулся домой.

– Все знают, что случилось на самом деле, просто не любят об этом говорить, – заявила высокая.

– Хотите сказать, что она его убила?

– Не знаю, как ей это удалось. Свидетелей не было.

– Но вы считаете, что она убила его и сбросила в океан?

– Да. Возможно, у нее было оружие. Допустим, Элизабет просто сказала мужу, что в небе видны странные вещи, и заманила его на обрыв, а какой-нибудь сообщник помог ей вытащить тело. Денег у Элизабет хватало, и она вполне могла кому-то заплатить.

– Тело так и не нашли, – добавила ее приветливая подруга. Похоже, она гордилась этим обстоятельством.

Вечером я взяла такси и отправилась на южную оконечность острова, к бывшему дому Робинов: тот одиноко стоял на обрыве, нависавшем над морем. Вокруг не было видно ника-

ких других построек. Подойдя к дому, я увидела табличку с надписью «Продается» и кодом, позволявшим потенциальному покупателю связаться с агентом.

Дом выглядел более внушительно, чем на фотографиях, хотя и был меньше большинства жилых зданий на острове – одноэтажный, с небольшими окнами, темно-зелеными ставнями, двускатной крышей и трубой. Других труб в этих краях я пока не видела. Дом стоял в тени толиваровых деревьев. С трех сторон его прикрывала живая изгородь, которую давно не стригли.

Обойдя вокруг дома, я вышла на край утеса и несколько минут стояла, глядя на море. Тремя этажами ниже накатывались на камни волны прилива.

Я уже выяснила, что никакого оружия там не нашли; о супружеской измене тоже не упоминалось. Не обнаружилось никаких признаков того, что Элизабет была замешана в исчезновении своего мужа. Ее ни в чем не обвиняли, хотя в прессе сообщалось, что следователи заинтересовались ею – но, похоже, лишь потому, что она была женой пропавшего. В подобных случаях супруга автоматически становится главным подозреваемым.

Хозяйка отеля «Ворон на ветру» Илена Катайя сообщила мне, что Элизабет была ее давней подругой. Невысокая и крепко сложенная, Илена сохранила прежнюю энергию, несмотря на годы. Она постоянно что-то переставляла, вытирала стойку, вводила данные в систему, поправляла занавески. Илена вела себя дружелюбно с посетителями, но когда я спросила об исчезновении Робина, тон ее стал напряженным.

– Элизабет постоянно мучила мысль, – сказала она, – что кто-нибудь может подумать, будто это ее рук дело. Будто она убила собственного мужа.

– Они были близки? – спросила я.

– Полагаю, да. Как и большинство супругов, – подмигнула мне Илена. – Они хорошо ладили, хотя Робина вряд ли можно было назвать образцовым мужем. Его интересовала только физика. Сколько я помню, он говорил лишь о том, чем непосредственно занимался. Кевин однажды стал призером соревнований по плаванию, когда учился в школе. Он был отличным пловцом, да и сейчас в прекрасной форме.

– Кевин – ваш сын?

– Да, – кивнула она. – Он занял первое место на Турнире Побережья. Я хотела показать им награду, но Крис не проявил к ней никакого интереса. Он был из тех, кто, оказавшись в обществе, говорит о черных дырах либо смотрит на часы. Вы же знаете, таких людей немало.

Я знала не так уж много мужчин, которые все время говорят о черных дырах, но возражать не стала.

– Элизабет могла быть причастна к случившемуся?

– Нет, ни в коем случае. – Илена задумчиво покачала головой. – Ни за что.

– По ее словам, она проспала всю ночь и не слышала, как прилетел скиммер Чермака. Как такое могло произойти?

– Думаю, в прессе слегка исказили факты. Как рассказывала мне сама Элизабет, она слышала, как садился скимер: этот звук разбудил ее. Но она лишь повернулась на другой бок и снова заснула. Так бывало и раньше – например, за пару недель до этого события.

– Перед последним полетом он отсутствовал две недели?

– Да. Две или три, как-то так. Помню, Элизабет жаловалась мне, что Робин опять улетает. Все эти путешествия ее совсем не радовали. – Илена прикусила губу. – Пожалуй, я слишком много болтаю.

– Ей не нравилось, что мужа часто нет дома?

– Не только это. Она боялась, как бы с ним чего-нибудь не случилось.

– Почему?

– Ну… они ведь потеряли Билла Винтера.

– Билла Винтера? Кто это?

– Ученый. Кажется, историк. Однажды он полетел с ними. Они где-то высадились, и на Билла напал хищник.

Я ничего не слышала об этом, но подробностей Илена сообщить не могла.

– Не знаете, как долго он отсутствовал? – спросила я. – В последний раз?

– Думаю, дня три-четыре.

– И все?

– Да, около того.

В вестибюль «Ворона на ветру», где мы сидели, вошла семья с тремя маленькими детьми.

– Минутку. – Илена встала и заняла место за стойкой. Закончив дела с постояльцами, она вернулась ко мне. – Все любили Элизабет. Никто из нас не понимал, что она нашла в Крисе, как решилась связать с ним свою судьбу. Когда это случилось — когда исчез Крис, — мы все беспокоились, что Элизабет тоже уедет. Но она осталась и прожила в том доме, кажется, еще лет сорок. Постоянно надеялась, что муж вернется. Мне казалось, что без него ей только лучше. Но что я знала, черт возьми?

Чермак, судя по всему, высадил Робина на площадке, расположенной к западу от дома. Сам дом был обращен к морю задней стороной. На фотографии, где Робин шел через терминал, отправляясь в последний полет, он нес легкий чемодан и сумку с блокнотом. Куда они делись? Если Робин сразу шагнул на обрыв и свалился с него, он наверняка где-то оставил вещи. Выйдя из скиммера, он должен был поставить их на землю и лишь потом направиться к утесу.

Возможно, Элизабет встретила его у дверей и сказала: «Дорогой, я так рада, что ты вернулся. Давай поглядим на океан. Сегодня прекрасная ночь».

А еще, милый, возьми с собой багаж.

В мыслях я постоянно возвращалась к землетрясению. Возможно, Робин почему-то изменил планы сразу же после посадки, и оба полетели в Коландру, где и погибли. Конечно, Алекс был бы против, если бы я изложила эту теорию Рэмси. Лучше выдать что-нибудь более эксцентричное. Было бы неплохо найти соседей, которые расскажут, что часто бывали на вечеринках в доме Робина и что он обладал особым талантом — входил в шкаф и исчезал. Я не сомневалась, что после бесед кое с кем сумею сочинить пару историй, которые Рэмси сможет со спокойной совестью опубликовать в «Утреннем вестнике».

Частные дома были разбросаны по всему острову. Я наняла в конюшне корвина, забралась в седло и медленной рысцой двинулась по проселочным дорогам. Люди смотрели мне вслед: одни махали рукой, другие здоровались. Время от времени я останавливалась и заговаривала с ними, рассказывая одно и то же: я пишу очерк о Крисе Робине и пытаюсь понять, как жилось на Виргинии сорок лет назад.

Те, кто по возрасту мог знать Робина и Элизабет, не добавили ничего нового к тому, что я уже знала. Никто не заговаривал об измене, даже в ответ на вопрос, не было ли у них проблем в семейной жизни. Все помнили Элизабет как дружелюбную, приятную во всех отношениях женщину. На ее мужа тоже никто не жаловался, но он всегда был поглощен работой. Я выслушала разные мнения относительно того, что с ним случилось: ничего необычного.

Я размышляла о том, есть ли более действенный способ сойтись с островитянами, и тут услышала, что в местной церкви Святого Таинства через два дня будут праздновать Ночь святого Каэлена. Как мне объяснили, это событие происходит каждый месяц.

– Что такое Ночь святого Каэлена? – спросила я у Илены.

– Святой Каэлен – покровитель дружбы и добрых отношений, – ответила она.

Проповедь его звучала так: будь щедрым и любящим, и ты никогда не останешься в одиночестве.

Я пришла пораньше. Мероприятие проводилось в зале для собраний, рядом с церковью. Над изречением «Рай – состояние души» был изображен голубь с распростертыми крыльями. Что они имели в виду?

Когда я появилась в зале, там уже сидело человек двадцать, и народ продолжал приходить. В дверях стоял священник, приветствуя каждого. Увидев меня, он улыбнулся.

– Здравствуйте, – сказал он. – Добро пожаловать в церковь Святого Таинства. Я отец Эверетт.

Этот человек – темнокожий, с темными волосами и дружелюбным взглядом — был достаточно стар, чтобы знать Робина.

– Я Чейз Колпат, – ответила я. – Рада с вами познакомиться, отец.

– Как я понимаю, вы не живете на острове постоянно?

– Нет, я приезжая.

Похоже, ему это понравилось.

– Что ж, рад, что вы решили присоединиться к нам. Вы гостите у друзей?

– Просто приехала посмотреть на остров. Он замечательный.

– Да, – кивнул священник.

В зал входили все новые люди. Я двинулась дальше.

– Сегодня вечером, Чейз, – сказал он, – вы должны подружиться хотя бы с одним человеком. Этого требует традиция.

Мероприятие было совершенно неформальным. Люди принесли накрытые блюда и безалкогольные напитки, поставили их на стол, придвинули стулья и расселись. Несмотря на все усилия святого Каэлена, общение было таким же, как везде. Некоторые устремлялись ко мне, чтобы познакомиться, другие сторонились меня. Я присоединилась к группе людей, обсуждавших политику, а когда почувствовала, что обстановка накаляется, перешла к другой компании, недовольной порядками в одном из местных магазинов.

При любой возможности я расспрашивала об Элизабет и Крис Робинах — и получала противоречивые ответы. Крис относился к другим неприязненно – и вел себя дружелюбно; он был гением – и одному Богу известно, как он вообще стал профессором; он обладал хорошим чувством юмора – и был чокнутым. В исчезновении Робина никого не винили, но никто не считал, что он ушел по своей воле.

– Он любил Элизабет, – слышала я от каждого. Мне говорили, что Элизабет была хорошей женой, что Робин ее не заслуживал, но когда на нее находило, она становилась настоящей мегерой. У нее было много друзей, не то что у Робина.

– Думаю, он стал жертвой несчастного случая, – сказала женщина по имени Мара, пришедшая вместе с мужем и внуком.

– И что же, по-вашему, произошло?

Мара бросила взгляд на мужа, который был ниже ее ростом: он почти все время молчал.

– Крис работал над карманным антигравом, – не моргнув глазом, заявила она. – Верно, Уолт?

– Вроде того, – кивнул ее муж.

– Не удивлюсь, – продолжала она, – если окажется, что он положил устройство в карман и случайно включил.

– Как это?

– Крис нес багаж. Было поздно. Он вполне мог нажать кнопку по ошибке.

Я представила себе, как Робин взмывает в небо и поднимается высоко — слишком высоко, чтобы выключить устройство. Вот он судорожно цепляется за свой багаж, ведь больше ухватиться не за что…

– Спасибо, – сказала я.

Конечно, с антигравом он не вышел бы на орбиту, а просто летел бы и летел. Странная идея. Не уверена, что карманный антиграв вообще может существовать. Но для Рэмси эта история вполне подошла бы.

Ближе к концу вечера я огляделась в поисках отца Эверетта. Он стоял у стола и разговаривал с пожилыми супругами. Я подождала, пока эти двое не отойдут, затем шагнула к священнику и спросила, понравился ли ему вечер.

– Как и всегда, Чейз, – ответил он. – Это мой любимый день месяца.

– Не найдется ли у вас пары минут, отец? Мне нужна ваша помощь.

– Конечно, Чейз. Чем могу помочь?

– Ну… я провожу кое-какие исследования.

– По социологии вечеринок?

– В том числе. Если серьезно, отец, я хочу спросить вот о чем: вы, случайно, не знали Кристофера Робина?

– Криса? Да, знал. Иногда здоровался с ним. Они с Элизабет не были нашими прихожанами, но она бывала на некоторых мероприятиях. Мы были очень расстроены, узнав о ее смерти.

– Конечно.

– Ее муж… когда это случилось, двадцать лет назад?

– Сорок, – поправила я.

Лицо его помрачнело.

– Как быстро летит время… Да, я был с ним знаком. Правда, только шапочно. – Он взял кусочек жареного картофеля и откусил. – Вкусно. Что же вы хотите узнать?

– Хотелось бы выяснить, что с ним случилось.

Улыбка священника стала шире.

– Разумеется. Что ж, удачи.

– Можете что-нибудь подсказать?

– Чейз, я знал его довольно плохо. Крис слыл очень самовлюбленным человеком. Думаю, он смотрел на всех свысока. Возможно, он считал, что все остальные жители планеты уступают ему в умственном развитии.

– Вижу, он не слишком нравился вам.

– Скажем так: я с ним почти не общался. «Здравствуйте», «До свидания», вот и все. Но было что-то в нем такое… некое чувство собственного превосходства. Это бросалось в глаза.

– Что-нибудь еще?

– Ну… не знаю. Иногда он шокировал кое-кого из наших.

– Каким образом?

– Своими высказываниями… – Священник окинул взглядом почти опустевший зал и понизил голос: – Полагаю, он был атеистом.

– Понятно.

– Такое случается. Люди отвергают Бога, считая, что доказательств Его существования нет. – Извинившись, он обменялся парой фраз с несколькими прихожанами, затем снова повернулся ко мне. – Несмотря на свой атеизм, он, похоже, признавал наличие некоего духовного измерения, где мы плывем сквозь вечность, в отсутствие Бога. И считал, что вечного покоя может и не быть. Он высмеивал представление о преисподней, но его ад, по-моему, самый страшный из всех. Пожалуй, я предпочел бы огонь.

– Странно, – сказала я.

– Следует признать, что он обладал превосходным музыкальным вкусом. По вечерам я иногда прогуливался в окрестностях его дома, направляясь в сторону утеса. Почти всегда из дома доносилась музыка – Чайковский. Шуберт, Римский-Корсаков, Голдстайн, Харкин. Он любил европейских композиторов.

– Что-нибудь еще, отец? Вы не слышали предположений о том, что могло с ним случиться?

– Я знаю, что полиция подозревала Элизабет. Пожалуй, с полным на то основанием: на кого еще они могли подумать?

– Вы не думаете, что она могла приложить к этому руку?

– Нет. Ни в коем случае.

– Спасибо, отец.

– Еще одно: насколько мне известно, он легкомысленно относился к деньгам. Не знаю, связано это с его исчезновением или нет…

– Что вы имеете в виду?

– Например, он постоянно покупал яхты, а потом терял их.

– Они тонули?

– Другие яхты, Чейз. Межзвездные.

– Вот как? – Я задумалась. – И сколько яхт он потерял?

– Четыре или пять.

– Вы серьезно?

– Вполне. Судя по тому, что я читал, все были довольно старыми. Он покупал яхту, куда-то ее отправлял, а потом мы узнавали, что он приобретает следующую.

– Не знаете, что с ними происходило?

– Они ломались или случалось что-то еще, и Крис где-то бросал их. Элизабет рассказывала, что он использовал яхты для экспериментов. Для каких именно, я не в курсе.

– Спасибо, отец, – снова поблагодарила я его.

– Он давал им красивые имена. Одна, кажется, называлась «Звездный ястреб».

– «Звездный ястреб»?

– Но больше всего мне нравилось другое название, – рассмеялся он. – «Жар-птица».

– Поэтично, – заметила я.

– Ну да. Это балет Стравинского.

Вскоре после моего возвращения в «Ворон на ветру» позвонил Рэмси.

– У меня было слишком мало времени, Джек, – сказала я. – Дайте мне еще пару дней.

Не могла же я ему сказать, что кто-то из соседей считал, будто Робин изменял жене и поэтому, возможно, стал ее жертвой. Или что он был атеистом. А больше я ничего толком не узнала.

– Да бросьте, Чейз. Неужели вам нужно столько времени, чтобы сочинить какую-нибудь историю?

Рэмси мне нравился. Он всего лишь несколько лет назад закончил школу журналистов, но я уже видела, что его ждет хорошее будущее. Представительный и достаточно безнравственный, он вполне мог сделать карьеру. Алекс считает таких людей гибкими и изворотливыми, но я собираюсь когда-нибудь написать книгу о том, почему честным и несгибаемым редко удается достичь вершин в любой профессии. Однажды я поинтересовалась мнением Алекса об этом; он сказал, что в большинстве случаев так и есть, добавив, что недостаточно гибкие люди попросту глупы. Конечно, я так не думаю, и Алекс на самом деле тоже. Правда, порой меня одолевают сомнения.

– Джек, я еще немного осмотрюсь, ладно?

– Как насчет инопланетян, Чейз? Существ из иной реальности? Нет ничего такого?

– Ничего, что могло бы вам пригодиться.

– О черных дырах, видимо, тоже ничего? А о сталкивающихся вселенных?

– Нет.

– Сталкивающиеся вселенные – звучит неплохо. Что с живыми мертвецами?

– Прошу прощения?

Джек – высокий, темноволосый, добродушно-веселый — улыбнулся. На его лице постоянно читалась мысль о том, что я рассказываю ему не все.

– Я разговаривал с одним из участников той вечеринки, на которой были вы с Алексом, несколько дней назад. Он утверждает, что Робин мог стать живым мертвецом. – Джек издал свой фирменный кудахчущий смешок. – Не знаете никого, кто считал бы его вампиром?

– Джек…

– Ладно. Если серьезно, Чейз, я где-то читал о предсказании Робина: он исчезнет, но потом вернется.

– Я такого не слышала.

– Что-то в этом явно есть. Сомневаюсь, что вам удастся найти что-нибудь получше.

Тем временем я просматривала старые заметки в прессе.

Через два дня после землетрясения Элизабет сообщила в полицию, что у ее мужа могут быть проблемы, пояснив, что он улетел с Чермаком за пределы планеты: куда именно, она не знает. По ее словам, так бывало постоянно. Она только что узнала о гибели Чермака и беспокоилась, не застрял ли Робин где-нибудь.

Несколько дней спустя стало известно: юноша и девушка, которые прогуливались по берегу, видели, как возле дома Робина около одиннадцати вечера приземлился скиммер, похожий на скиммер Чермака. Это потрясло Элизабет.

«Я спала и ничего не слышала», – сказала она.

Насколько можно было понять, в дом Робин так и не вошел.

Я добыла также кое-какие сведения о потерянных яхтах. Робин куда-то отправил четыре корабля между 1385 и 1393 годами. Ни один из них так и не вернулся. Объяснений этому я не нашла – лишь указание на то, что яхты использовались для экспериментов по улучшению цикличности. Что это означало, никто не знал.

Остальные две яхты назывались «Страйкер» и «Элизабет». «Жар-птица» пропала последней, в 1393 году, за несколько недель до исчезновения самого Робина.

Робин родился на Токсиконе – единственный ребенок богатых родителей. Он получил степень магистра в университете Кавасай и, по словам его тогдашних знакомых, пользовался успехом у женщин. Затем он женился на певице Мэри Декстер и стал преподавать в колледже Каджун-Баркер.

И брак, и преподавание продолжались всего несколько месяцев. Робин начал критиковать коллег – то перед студентами, то в прессе. Как он утверждал, некоторые профессора не понимают, что на самом деле происходит в субквантовом мире, им недоступна его сложность и они не в состоянии нарисовать перед студентами ясную картину.

Видимо, и сам Робин испытывал проблемы в общении со студентами. Лишь несколько человек записались к нему на второй семестр, после чего руководство отменило все его курсы, кроме одного.

Кроме того, Робина застали в местном отеле со стриптизершей, и они с Мэри принялись выяснять отношения на публике – вплоть до того, что она попыталась выкинуть мужа из летящего такси. Машина рухнула на крышу здания Касснера, где находился медицинский факультет. Декан физического факультета, профессор Макайюс, призвал своего препо-

давателя к порядку. В ответ Робин, беседуя с репортером местной газеты, заявил, что он, по крайней мере, никогда не делал предложения студентке. Макайюсу пришлось выступить с опровержением и сказать, что его оклеветали. Какое-то время казалось, что дело дойдет до суда, но все закончилось иначе: Робин согласился уйти из колледжа и в дальнейшем не давать никаких комментариев.

Год спустя он объявился на Окраине, защитил докторскую в Маргале, убедил всех, что ему можно доверять, и поступил на физический факультет в Кинезии. Там он проработал шесть лет, познакомился с Элизабет, которая работала адвокатом, и начал искать доказательства существования иных вселенных. Разумеется, подобные попытки предпринимались в течение тысячелетий, и все давно согласились с тем, что это невозможно. Большинство физиков считают, что другие вселенные действительно есть, но подтвердить их существование нечем. Робин же заводил даже разговоры о строительстве моста между мирами.

Утратив интерес к преподаванию и заявив, что его студенты умственно неполноценны, он решил заняться чем-нибудь поинтереснее. В 1359 году он купил дом на острове Виргиния и удалился туда, якобы собираясь заняться научными исследованиями. Элизабет специализировалась на уголовном праве, а преступлений на острове практически не совершалось. Ей явно пришлось выбирать между карьерой и замужеством, и она выбрала замужество.

Примерно через год в одной обзорной статье было упомянуто об Элизабет: оказывается, она никогда еще не чувствовала себя такой счастливой. С тех пор о личной жизни супругов почти ничего не было известно. Оба очень редко выходили из дома и за тридцать четыре года совместной жизни никому из соседей беспокойства не доставляли.

В 1376 году Робин написал «Мультиверсум», мгновенно вызвавший споры. По словам его коллеги из университета Кинезии, Уильяма Винтера, это была книга не для слабонервных.

Винтер? Именно его упоминала Илена. Через семь лет после публикации «Мультиверсума», в 1383 году, он отправился вместе с Робином в экспедицию на Индикар. В чем заключалась цель полета, я так и не выяснила. Похоже, это было связано с орбитальными флуктуациями.

Но Винтер погиб – видимо, стал жертвой хищника. Они с Робином совершили ошибку, высадившись на зеленую планету и решив осмотреть окрестности. Тело так и не нашли. Я расспросила о случившемся отца Эверетта.

– Подробностей мы, в общем-то, не узнали, – ответил он. – С Винтером я не был знаком, но заметил перемену в Робине. Похоже, для него это стало серьезным ударом. Элизабет рассказывала, что он винил во всем себя. Так или иначе, после этого он стал совершенно другим.

Глава 8

Я не пропал окончательно до тех пор, пока кто-нибудь где-нибудь может слышать мой голос.
Викки Грин. Люблю тебя до смерти (1423 г.)

Наверное, люди всегда что-то видят в ночном небе. За тысячелетия скопилось множество сообщений о всевозможных явлениях, таинственных огнях, неопознанных объектах и кораблях-призраках. Большинство из них при более пристальном рассмотрении не выдерживают критики. Одни пришельцы оказывались кораблями, сбившимися с пути: экипаж не желал, чтобы появление звездолета фиксировалось, и улетал, не представившись. Другие – космическими камнями, на мгновение отразившими солнечный свет. Третьи – неумелыми контрабандистами. Широко известен случай, когда объектом оказался светлячок, проникший на станцию и угодивший между стекол иллюминатора.

Но иногда готового объяснения не находится. Похоже, это относится и к двум явлениям, свидетелем которых был Крис Робин: одно наблюдалось на Санусаре, другое – на Окраине. Оба так и не получили объяснения.

В 1380 году корабль приблизился к санусарской орбитальной станции примерно на пятьдесят километров. Сканеры зафиксировали его изображение, но гость так и не представился. Ни в торговом, ни в военном флотах Конфедерации и ашиуров ничего похожего не имелось.

К середине одиннадцатого тысячелетия самой старой из действующих космических станций была именно та, что вращалась вокруг Санусара. На момент появления таинственного корабля она делала это уже три тысячи лет. Говорят, что обряд ее крещения совершил сам Брэндайн Ковалар. В разное время там побывали почти все знаменитости Конфедерации. Именно на этой станции останавливалась Майра Доукин во время своего исторического визита. На ней находился Джордж Делиос, когда выступал со своим прославленным обращением. В «Корби», кафе в главном вестибюле, Кайла Боннер написала несколько своих «Сумеречных сонетов». А где-то в отеле «Маджестик» – никто не знал точно, где именно, – умер Кип Берри после того, как отвоевал станцию у Разоблачителей. И конечно, в начале двенадцатого тысячелетия станция ненадолго побывала в руках «немых».

Но за все это долгое время, вероятно, самым интригующим событием стало то, которое произошло под конец вечерней вахты в День Конституции, пятьдесят четыре года назад.

Я загрузила запись и просмотрела ее.

Дежурная по станции Тереза Урбанова смотрела на пустое небо, когда Джей Бенсон, искин-диспетчер – единственный из всех известных мне искинов, имевший фамилию, – сообщил, что телескопы только что зафиксировали появление неопознанного корабля.

«Где, Джей?» – спросила она.

«Расстояние – восемь тысяч километров. Он приближается».

«Что? И мы только сейчас его заметили? Как он сумел подобраться настолько близко?»

На ее дисплее виднелась лишь яркая точка.

«Не знаю, Тереза. Я начал проверку всех систем. Неисправностей не обнаружено».

«Они выходят из прыжка. – Тереза не пыталась скрыть раздражение. – Только что выскочили, прямо перед нами».

«Я доложу об этом».

«Я работаю здесь больше тридцати лет, Джей, но не видела ничего подобного. – Склонившись над приборной панелью, она открыла канал связи. – Говорит диспетчер станции Санусар. Корабль, только что вошедший в систему, прошу представиться».

Ответа не последовало. Она поместила корабль в центр дисплея.

«Мак, это диспетчер. Задержи старт. У нас в окрестностях неизвестный корабль».

«Слушаюсь, Тереза. Задерживаю».

Большой опасности не было, но речь шла о простой вежливости. Так не поступают.

«Судя по траектории, он пройдет мимо станции. Но рядом с ней», – сказала Тереза.

«Возможно, у него отказал двигатель», – заметил Джей.

«Хотелось бы надеяться. Есть картинка получше?»

«Одну секунду».

Тереза вышла с кем-то на связь – вероятно, с начальником смены.

«Маркос…»

«Я его вижу, Тереза. Действуйте согласно правилам. Я спущусь через минуту».

«Он все приближается», – сказал Джей.

Тереза переключилась на связь с патрулем.

«Калеб?»

«Подождите, диспетчер. Мы его видим».

«Две минуты до минимального сближения, – сказал Джей. – Скорость прежняя».

«Он проходит мимо, и все».

Послышался еще один голос – размеренный баритон:

«Да, Тереза? Какие у вас данные?»

«Мы не знаем, кто он. Хотите взглянуть?»

«Какова ситуация?»

«Только что вошел в систему. Есть один вылетающий корабль, но мы его задерживаем».

«Понятно. Прибывающих нет?»

«Нет».

«Хорошо. Я их вижу. Летим за ними».

«Они все еще не отвечают, – сказал Джей. – Скорость девятнадцать тысяч».

Тереза наклонилась к микрофону:

«Прибывающий корабль, говорит диспетчер станции Санусар. Прошу представиться. Вы нарушаете процедуру».

Пришелец выглядел довольно тяжеловесно. Выхлопные трубы, кожухи сканеров, маневровые двигатели и все прочее было спрятано внутри корпуса. Навигационные огни то вспыхивали, то гасли. Корабль казался весьма старым.

«Что с его габаритами, Джей?»

«Двести двадцать метров».

Теперь Тереза различала огни на мостике и ряд освещенных иллюминаторов.

«Кто вы, черт побери? – Она подперла рукой подбородок и уставилась на дисплей, на котором виднелись обе луны Санусара. – Джей, на корпусе есть опознавательный знак. Можешь его разглядеть?»

«Попробую увеличить резкость».

«Диспетчер, – послышался новый голос, женский. – Патруль готов к старту. Прошу разрешения».

Тереза взглянула на экраны.

«Разрешаю».

«Вижу на корпусе два символа, но они мне незнакомы», – сказал Джей.

Кто-то появился в дверях, за спиной Терезы, – вероятно, Маркос, ее начальник.

«Возможно, это „немые“», – сказал он.

«Не знаю. Надеюсь, что нет».

Несмотря на свой баритон, Маркос был худым и невысоким – ниже Терезы. Он выглядел как типичный ученый.

«Вы добились от них хоть какого-нибудь ответа?» – спросил он.

«Ни слова».

«Ладно. – Он соединился с патрулем. – Кто на связи?»

«Сэнди».

«Сэнди, приглядись к нему получше».

«Хорошо, Маркос».

Маркос склонился над Терезой и заговорил в микрофон;

«Неопознанный корабль, прошу замедлить ход. Кто вы? В чем проблема?»

Ничего, кроме помех. Маркос что-то проворчал, не сводя взгляда с дисплея.

«Куда он летит, черт побери?»

«Маркос, происходит что-то странное», – послышался голос Сэнди.

«Что?» – Нахмурившись, Маркос попробовал увеличить картинку.

«Я вижу его насквозь».

«Не понял, Сэнди?»

«Я вижу его насквозь. Он становится прозрачным. И исчезает».

И в самом деле, корпус корабля стал прозрачным.

«Не может быть», – пробормотал Маркос. Прежний спокойный и властный тон сменился растерянностью.

Огни пришельца потускнели, на его фоне появились звезды, а потом он пропал, как будто и не появлялся.

«Диспетчер, вы видели?» – спросила Сэнди.

Я не раз наблюдала, как корабли входят в прыжок, – и на экране, и когда летела рядом с ними. Они просто исчезали: вот они здесь, а через мгновение их уже нет. То, что я видела сейчас, выглядело совсем иначе.

«Жуть, – тихо проговорила Тереза. – Что это было, черт возьми?»

Я связалась с Алексом. Он сидел в кресле у себя в комнате, на фоне окна. В Андикваре было еще темно. На коленях у него лежал раскрытый блокнот.

– Как дела, Чейз? – спросил он. – Выяснила, что с ним случилось?

– Нет. Понятия не имею. Но есть интересная информация.

– Какая именно?

– По словам местного священника, Робин купил несколько яхт. Я проверила в архивах: все так. Четыре яхты за восемь лет.

– Четыре яхты? Что он с ними делал?

– Видимо, использовал для какого-то эксперимента. Я кое-что узнала, хотя и немного, к тому же все мутно. Что-то насчет цикличности.

– Что это?

– Это связано с обеспечением резерва для электронного ускорителя при совершении прыжка.

Алекс наморщил лоб.

– Ты понимаешь, в чем дело?

– Не совсем. Но, кроме того…

– Как я понимаю, яхты были не новыми?

– Нет. Довольно старыми. Кстати, это не согласуется с экспериментами по цикличности. Не знаю, что все это значит.

– Ладно. – Алекс взял с тумбочки стакан и осушил его. – Когда это было?

– Между тысяча триста восемьдесят пятым и девяносто третьим годами.

– Ты узнала, как назывались яхты?

– Одна – «Звездный ястреб».

– Ясно.

– Другая – «Жар-ястреб».

– «Жар-ястреб»? Он что, был помешан на ястребах?

– Извини. «Жар-птица».

– А остальные?

– «Страйкер» и «Элизабет».

– Как долго они использовали яхты, прежде чем утрачивали их? В среднем?

– Не знаю, Алекс. Подробностей я не нашла. Почему это так интересует тебя?

– Пока точно не знаю. Но сперва пропали яхты, а потом Робин.

– Ладно. Скоро позвонит Рэмси. Если ты не против, я расскажу ему о них. О яхтах.

– Да, непременно. Звучит таинственно: именно это нам нужно. Когда будешь разговаривать с ним, притворись удивленной, ладно? – (За окном вспыхнула молния, но я не могла понять, где это, у него или у меня, пока над головой не раздался раскат грома.) – Чейз, ты гений.

– А как дела у тебя?

– Потихоньку. Спрос на артефакты то ли на максимуме, то ли еще нет. Я договорился о нескольких неформальных презентациях для Планкетта.

– Планкетта? – Я где-то слышала эту фамилию.

– Чарли Планкетт. Из Общества Робина. Теория бран.

– Ах да. Сталкивающиеся вселенные?

– Они самые.

Библиотеки, музеи и прочие общественные организации постоянно искали тех, кто мог бы выступить у них.

– Алекс, – сказала я, – мне кажется, он чересчур эксцентричен.

– Неважно. На трибуне он хорош. И потом, что бы ни говорил Планкетт, артефактам это не повредит, а остальное неважно. – Он хотел было отключиться, но, похоже, о чем-то вспомнил. – Погоди секунду, Чейз. – Он снова отхлебнул из стакана. – Еще кое-что…

– Да?

– Все эти явления наблюдаются уже много лет. Я имею в виду не только огни в небе. Неизвестно откуда взявшиеся корабли. Странные голоса. Такое происходит нечасто, два-три раза в столетие, но все же случается.

– Как долго они наблюдаются?

– С древнейших времен.

– Ясно. – Я ждала продолжения, но Алекс замолчал. Лишь после долгой паузы он вымолвил:

– Мы наткнулись на нечто очень важное, Чейз.

– Корабли из иной реальности?

– Возможно.

– Если так, нас ждет подлинная сенсация. Да, совсем забыла, хотя, наверное, это не слишком важно: до своего последнего полета Робин куда-то летал на «Волноломе», недели на две-три.

– Не знаешь куда?

– Нет. Моему источнику это неизвестно. Ты еще интересовался, сколько времени занял последний полет Робина. Так вот: три или четыре дня.

Глава 9

Вот одна из достойных сожаления черт человеческой натуры: мы ценим лишь то, чего у нас больше нет. Каждый из нас отдал бы многое, чтобы опять, пусть даже на час, стать школьником и снова увидеть тех, кто в то время был ребенком, тех, кого уже больше нет, и тех, кого мы сегодня считаем неотъемлемой частью себя.
Кирби Эдвард. Путешествуя во времени (1407 г.)

Офис компании «Релайбл инкорпорейтед» – бывшей «Чермак транспорт» – находился в центре Коландры. Ее возглавлял Мицуи Симадзаки, бывший партнер Элиота Чермака, уже вышедший на пенсию, но все еще проводивший полдня на работе. Когда я зашла в офис, он обговаривал детали полета с юношей и девушкой, которые планировали провести медовый месяц на другой планете, но не знали в точности, куда именно им хочется.

– В какое-нибудь захватывающее место, – сказала невеста, пока искин показывал изображения высоких гор и величественных городов. Оба пребывали в неподдельном восторге. Если я правильно поняла, ни один из них раньше не покидал планеты.

Симадзаки спросил, чем он может мне помочь; я ответила, что подожду, пока он не закончит с клиентами. Спешить мне было некуда, ему, кажется, тоже. В конце концов они договорились о совершении обзорной экскурсии по солнечной системе.

– Наш двенадцатидневный специальный тур, – сказал он. – Если вы не против, с вами отправятся еще две пары новобрачных.

– Конечно, – ответила невеста.

– Лишь бы нам было где уединиться, – ухмыльнулся жених.

«Похоже, у них любовь навечно», – подумала я.

Когда они ушли, Симадзаки извинился и спросил, что меня интересует.

– Меня зовут Чейз Колпат, – сказала я. – Я пишу научную работу об Элиоте Чермаке. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Конечно. Мне всегда было жаль Элиота. Он так рано ушел от нас.

– Вы, случайно, не видели его в ночь землетрясения?

– Нет. В ту ночь творился настоящий ад. Если честно, после первого толчка я посадил жену и детей в скиммер, и мы улетели. Я всегда чувствовал вину за то, что не сумел никому помочь, но…

– Понимаю, господин Симадзаки. Не могли же вы быть повсюду. – (Он кивнул, улыбнулся, и глаза его на миг затуманились.) – Вы знали Криса Робина?

– Конечно знал. Один из клиентов Элиота. Хороший человек. Он тоже погиб в ту ночь. – Симадзаки покачал головой. – Удивительно, как такое может происходить в наши дни.

– Он вам нравился?

– Очень. Умный, честный, не то что некоторые шишки, с которыми нам приходится иметь дело. Он не страдал чрезмерным самомнением, как многие из них.

– Вы с ним общались?

– Пару раз.

– Они с Элиотом в ту ночь прилетели из космоса.

– Да, знаю.

– Вам не известно, где они были?

– Нет. Если я и знал, то забыл.

– Не знаете, как долго они отсутствовали?

– В общем-то, нет. – Он провел пальцами по щекам. – Думаю, несколько дней, не больше. Но не уверен.

– Понятно.

– Это было давно, Чейз. Вы не против, если я буду вас так называть?

– Конечно. – Поколебавшись, я бросилась напролом. – Вы знали его жену?

– Встречал пару раз. Не сказал бы, что хорошо знал ее.

– Господин Симадзаки, Элизабет могла по какой-то причине желать от него избавиться? Вы не слышали об этом?

По выражению его лица я поняла: если что-то и было, от него я ничего не узнаю.

– Нет, – ответил он. – Возможно, между ними случались трения, но я не в курсе. А почему вы спрашиваете?

– Просто пытаюсь понять, что могло случиться в ту ночь.

Он кивнул.

– Нам всем хотелось бы это знать.

– У Робина были враги?

– Об этом мне тоже неизвестно. Опять-таки, я не настолько хорошо знал его. Насколько я понимаю, не все любили его. Он слыл не слишком общительным человеком, хотя я никогда этого не замечал. Элиот однажды сказал, что Робин не склонен доверять людям. Возможно, у него было тяжелое детство. Кто знает?

– В каком смысле?

– Ну… например, он был намного умнее других детей и не старался это скрывать, поэтому его не любили.

– Вы не думаете, что у кого-то могло возникнуть желание его убрать?

– Ходили слухи, что он работал над звездным двигателем новой конструкции, позволяющим совершать межгалактические перелеты. Возможно, у него возникли проблемы с представителями крупного бизнеса. Но я не получал никаких сведений об этом из надежных источников.

Я смотрела на серое небо, сквозь которое безуспешно пытались пробиться солнечные лучи.

– Господин Симадзаки…

– Мицуи.

– Мицуи. Симпатичное имя.

– Спасибо, Чейз. Вот только о его обладателе такое вряд ли скажешь.

– Мицуи, как я понимаю, Робин потерял несколько яхт…

Его искин сообщил о входящем звонке – кто-то хотел что-то продать.

– Пусть перезвонят, – сказал он и задумался, наморщив лоб. – Да, верно. Сплошное старье. Кажется, их было четыре.

– Как вышло, что они потеряли все яхты?

– Ставили какие-то эксперименты – подробностей я не знаю. Элиот об этом не говорил, а я не слишком интересовался. Но я знаю, что они не рассчитывали на возвращение яхт. Там, кажется, даже не было искинов – по крайней мере, на некоторых.

– Спасибо, Мицуи, – сказала я. – Вы мне очень помогли.

– Рад за вас, Чейз. Надеюсь, что в следующий раз, собираясь в какое-нибудь экзотическое место, вы вспомните о нас.

– Обязательно.

– Вы ведь тоже пилот?

– Да, – удивленно ответила я. – Откуда вы знаете?

– Просто мне показалось, что вы говорите со знанием дела.

– Спасибо.

– Мне не хватает кабины космического корабля, – сказал он. – И женщин. Такие, как вы, – особая порода.

Ближе к ночи с океана пришла гроза вместе с сильным ветром и ливнем. Весь вечер я просматривала список людей, связанных с Робином, пытаясь найти кого-нибудь, способного пролить свет на случившееся с ним. Я сделала несколько звонков, но ничего так и не выяснила.

Я поискала информацию об Элиоте Чермаке. Межзвездный пилот, глава «Чермак транспорт». Родился в Темплтоне, на равнинах Димрока, в 1326 году. Поступил на службу во флот в 1348-м, получил лицензию пилота в 1351-м. Дослужился до командира истребителя, ушел в отставку в 1373-м. В том же году основал «Чермак транспорт», купив яхту, которую назвал «Волнолом». Именно на ней они с Робином преследовали неопознанный корабль возле Скайдека.

Его компания процветала, совершая заказные рейсы по необычным маршрутам, которые не обслуживались крупными перевозчиками. Он часто возил исследовательские группы, а иногда – богатых клиентов, которым попросту не хотелось путешествовать вместе с обычной публикой. У Чермака сложились особые отношения с главами компаний и учеными, в том числе с Робином. Именно он был пилотом в 1383 году, когда во время экспедиции на Индикар погиб Уильям Винтер. Я нашла информацию о Винтере – специалисте по древней истории, в частности по эпохе Великой Экспансии, когда на планетах начали возникать первые колонии. По имевшимся сведениям, Чермак и Робин обследовали руины форпоста на Индикаре, заброшенного тысячу лет назад.

У Чермака были рыжие волосы и добродушно-веселый вид уверенного в себе человека. Он выглядел как прирожденный лидер и, надо сказать, произвел на меня немалое впечатление. В нем сразу чувствовался капитан истребителя.

Той же ночью я позвонила Рэмси – в Андикваре была вторая половина дня. Когда я сказала, что Робин потерял четыре яхты и что их, судя по всему, покупали с намерением вывезти в космос и бросить там, он в буквальном смысле разинул рот.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Но почему, Чейз? Зачем было делать это?

– Не знаю.

– Однако у вас есть гипотеза?

– Да. Они участвовали в некоем эксперименте.

– Какого рода?

– Вероятно, связанном с его идеей об альтернативных вселенных. – Я с трудом произнесла эту фразу, но Рэмси явно обрадовался.

– Можете объяснить подробнее?

– Это всего лишь мои предположения. И я не хочу, чтобы меня цитировали.

– Что ж, прекрасно. Считайте себя надежным источником.

– Не в этой жизни, детка. Хотя у меня нет подтверждений, мне кажется, что он хотел отправить яхты в одну из альтернативных вселенных, о которых постоянно говорил. Либо ему удалось добиться успеха…

– Либо они просто взорвались, одна за другой. – Он покачал головой и что-то записал в блокноте. – Вы действительно так думаете?

Гм… а что я на самом деле думала? Честно говоря, других вариантов я просто не видела.

– Жаль, – сказала я, – что мы не можем полететь туда, куда он отправлял яхты, и посмотреть: вдруг они до сих пор там.

– Как я понимаю, это неосуществимо?

– Абсолютно.

Я снова просмотрела новости о землетрясении. По числу жертв оно стало самой страшной природной катастрофой в современной истории Окраины и второй по величине в Конфедерации.

Погибли десятки тысяч человек – в эпоху, когда считалось, что ничего подобного не может случиться. Признаки близкого восьмибалльного землетрясения почему-то не были зарегистрированы мониторами: оно пришло без предупреждения. Местные жители знали, что живут в опасной зоне, но, несмотря на регулярные подземные толчки, всех заверяли, что современные технологии позволяют предсказать сильное землетрясение задолго до его начала: всем хватит времени, чтобы уйти.

Но случилось иначе. Землетрясение стало практически полной неожиданностью. Хуже того, оно произошло возле самой поверхности и вызвало цунами, погубившее еще несколько тысяч жизней. Видеозаписи с места событий шокировали: люди бегали и кричали среди рушащихся зданий и вспыхивающих пожаров. А потом пришла волна.

После всего, когда спасатели вернулись домой, погибших похоронили, а специалисты дали свои объяснения, начали появляться истории о героизме отдельных людей. Имена многих из тех, кто рисковал жизнью или даже лишился ее, спасая других, навсегда остались неизвестными. Но не все: среди этих был Элиот Чермак. «Он вытащил моих детей прямо из огня: набросил на них одеяло и вынес их из горящего дома. Слава богу, что он там оказался».

Молодая женщина рассказывала, как Чермак вынес ее из пылающего здания. Мужчина, живший с ним по соседству, видел, как он помогал охваченным ужасом людям выбраться на возвышенность. В конце концов Чермак пропал без вести, как и Робин.

Я позвонила Алексу и рассказала обо всем, что слышала и видела.

– Где именно был Чермак, когда все случилось? – спросил он.

– В Кейтон-Ферри.

– Кейтон-Ферри?

– В эпицентре землетрясения, на берегу океана. Северо-западнее Коландры.

– Понятно.

Последовала долгая пауза.

– Хочешь, чтобы я туда съездила?

– Думаю, это хорошая мысль. У них есть какой-то памятник Чермаку. Посмотрим, что еще удастся узнать.

Глава 10

Я желаю моему брату всего наилучшего. Прошу только об одном: чтобы я всегда мог оставаться на шаг впереди.
Джош Левинс. Правила тьмы (1398 г.)

Не считая нескольких специально сохраненных руин, единственным свидетельством того, что Кейтон-Ферри сорок один год назад был разрушен землетрясением и цунами, является Мемориальный парк: он занимает обширную территорию на западе города, между центром и океаном. Все остальное отстроили, восстановили и заменили.

К моменту катастрофы население Кейтон-Ферри составляло около десяти тысяч человек. С тех пор оно намного увеличилось; как и во многие прибрежные города, сюда устремились туристы. Город известен постройкой под названием Большое Яблоко и Университетом Кризинского, в нем находится самая популярная на континенте трасса для автогонок, а также главные управления трех основных церковных организаций. Как отметил через несколько дней после землетрясения известный атеист Вендель Кавич, все их заявления о близости к Богу, получается, ничего не стоили.

Я поселилась в отеле «Вид на море», рядом с Мемориальным парком, и переоделась в более удобную одежду.

Парк состоял по большей части из тщательно ухоженных лужаек, подстриженных живых изгородей и групп тенистых деревьев. Под двумя куполами можно увидеть руины. Рядом с ними установлены таблички с фотографиями зданий до катастрофы.

В парке есть кинотеатр, где дважды в день показывают «День героя» – документальный фильм о тех событиях. В Г-образном здании располагаются сувенирный магазин, административные помещения и музей.

Я зашла в музей. Там было много предметов снаряжения, которые использовали в те дни спасатели и пожарные. Был выставлен также искин, координировавший их действия и готовый поговорить с любым, у кого имелись вопросы или комментарии. Я немного постояла и послушала.

– Как ты чувствовал себя посреди всего этого? – спросил мальчишка-подросток. – Было страшно? Искинам бывает страшно?

– Меня вдохновляли, – отвечал искин голосом немолодого мужчины, – героические усилия тех, кто пришел на помощь. Я имею в виду не только профессионалов, но и обычных людей, рисковавших жизнью ради друзей и соседей. Было ли мне страшно? Да. Я знал, что нам грозит опасность.

– Ты боялся за себя?

– Да. Я боялся за всех нас.

Пожилой мужчина поведал, что едва пережил натиск стихии.

– Я был на лестнице, – сказал он. – Она обрушилась, и я сломал обе ноги. Дом горел, но тут появилась девушка и вытащила меня. – Он улыбнулся и показал на стоявшую рядом женщину. – Потом я женился на ней.

– Отличный выбор, – одобрил искин.

Парень в флотской форме поинтересовался, почему никто не был готов к землетрясению:

– Как вышло, что оно застигло всех врасплох? Неужели политики оказались ни на что не годны?

– Сейчас, оглядываясь назад, – ответил искин, – нам легко говорить, что мы могли сделать и чего не могли. Мы считали, что настолько сильное стихийное бедствие обязательно даст знать о себе заранее: вот в чем дело. Нас подвела наука.

Галерея героев была посвящена восемнадцати погибшим при землетрясении. Их фотографии занимали большую часть двух стен: молодые и старые, мужчины и женщины, в форме и в гражданском. Среди них был и Элиот Чермак, красивый и бесстрашный, в серебристо-голубом костюме пилота. Под фотографией стояли его имя и годы жизни: 1326–1393.

Героям была посвящена брошюра: на обложке – фотографии, имена и девиз «Величайшая отвага». Я взяла ее и пролистала. Внутри были краткие биографические очерки и десятки фотографий – моменты из личной жизни этих людей до катастрофы. На одном из снимков Чермак стоял рядом с Робином.

Я купила один экземпляр и забрала его с собой.

В книге было фото родителей Чермака. Отец смущенно улыбался фотографу, мать сияла красотой. Сразу становилось понятно, кому Чермак был обязан своей внешностью.

Дальше шли фотографии его самого. Чермак стоит в группе первоклассников у начальной школы в Кардуэлле. Двенадцатилетний Чермак сидит с отцом на пляже. Чермак играет в пальмбол со своим старшим братом Грегори. Чермак обнимает на школьном балу роскошную брюнетку, которая любезно улыбается фотографу.

Чермак в Университете Кризинского, на каникулах, на чьей-то свадьбе. Два фото из летной школы. Снимок, сделанный после его первого самостоятельного полета. На лице Чермака сверкала радостная улыбка. Я прекрасно понимала его: даже много лет спустя это мгновение оставалось самым счастливым в моей жизни.

Две фотографии Чермака во время службы на флоте, где он дослужился до капитан-лейтенанта. И наконец, Чермак на фоне «Волнолома» на одном из причалов Скайдека. Плюс то самое фото Чермака с Робином, который был назван в брошюре «всемирно известным физиком». Робин выглядел слегка надменным и самовлюбленным, Чермак же, видимо, считал, что оказался на вершине мира.

Старший брат Элиота, Грегори, до сих пор жил в городе. О его профессии нигде не говорилось, и я сделала предположение – как оказалось, верное, – что он довольствуется базовым пособием. Я позвонила ему и сообщила, что собираю материалы об Элиоте.

– Это было давно, – сказал он с плохо скрываемым раздражением.

Я решила, что он, возможно, завидует Элиоту, о котором много говорили. Завидует до сих пор, сорок лет спустя?

– Поэтому мы и занимаемся исследовательской работой, – ответила я. – Не найдется ли у вас материалов о брате, на которые я могла бы взглянуть? Мы хотим больше узнать о том, каким он был на самом деле, и о семье, сумевшей воспитать такого человека, как он.

– Что вы имеете в виду?

– Всем известно, что Элиот – герой, но никто толком не знает, каким человеком он был.

– Вряд ли смогу поделиться чем-нибудь ценным. Приятно было пообщаться…

– Погодите. Не отключайтесь. Это очень важно, господин Чермак. Я готова заплатить за информацию.

– В самом деле? Сколько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.